

Алексей Сальников

Роман

ОККУЛЬТТРЕГЕР

КУЛЬТ

ТРЕГЕР

Автор бестселлера
«ПЕТРОВЫ В ГРИППЕ
И ВОКРУГ НЕГО»

18+

Классное чтение

Алексей Сальников

Оккульттрегер

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сальников А. Б.

Оккультрегер / А. Б. Сальников — «Издательство АСТ»,
2022 — (Классное чтение)

ISBN 978-5-17-148554-2

Алексей Сальников (р. 1978) – автор романов «Петровы в gripпе и вокруг него», «Отдел» и «Опосредованно», а также нескольких поэтических сборников. Лауреат премии «Национальный бестселлер», финалист премий «Большая книга» и «НОС». Новый роман Сальникова «Оккультрегер» написан в жанре городского фэнтези. 2019 год, маленький уральский город. Оккультрегеры – особые существа, чья работа – сохранять тепло в остывающих городах и быть связующим звеном между людьми, херувимами и чертями. Главная героиня Прасковья как раз оккультрегер. Ей две сотни лет, она меняет внешность каждые четыре месяца и дорожит лишь гомункулом – своим спутником и помощником, принявшим вид ребенка. Но вдруг гомункулу начинает угрожать опасность... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148554-2

© Сальников А. Б., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Сальников
Оккульттрегер

Светлой памяти Александра Петрушкина

© Сальников А.Б.

© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

Больше не имея сил в одиночестве переживать воспоминания прошедшей новогодней ночи, Прасковья напялила на гомункула куртку, шапку и рукавицы, сама оделась, и они спустились на улицу с четвертого этажа. Снаружи, впрочем, было не сказать что людно. Только шел по тротуару, бодро постукивая тростью, слабовидящий молодой человек, совершенно пьяный, в яркой оранжевой куртке с отражателями. Но отражать было нечего – утренний свет равномерного картонного оттенка, как снег, лежал на домах и деревьях. В целом зимний город выглядел так, будто кто-то взял соляной карьер, замусорил его, воткнул сухой растительности, человеческих жилищ да так и бросил.

«День триффидов, честное слово», – подумала Прасковья, пристраиваясь на лавочку возле детской площадки. Гомункул, изображая ребенка, несколько раз скатился с горки – три раза вниз ногами, два раза вниз головой, – после чего принялся лепить снежки: бросал их в черных, как уголь, ворон и в серую, как британский кот, трансформаторную будку.

Вокруг лежало затоптанное конфетти, а еще ленты серпантина, почему-то в основном светло-голубого цвета, из-за чего казалось, что у сугробов проступили вены. Там и сям валялись коробки из-под салютов. Словно камыш, качались на ветру обгоревшие стебли использованных ракет. Разбросанные по двору бутылки походили на куски льда сильнее, чем сам лед.

Хрущевка, в которой жили Прасковья и гомункул, будто специально сделана была так, чтобы походить на рубку какого-нибудь ледокола, поэтому и выглядела органично только зимой, когда низкая невеселая облачность сплошь волоклась над головой или когда нежной красноты солнце выглядывало из-за горизонта, чтобы чуть подсветить город сбоку, а затем снова скрыться в морозном мраке.

Меж тем народу прибывало: воздух слегка расстегнулся от звука, который Прасковья стала забывать, – это был треск открываемой примерзшей хлипкой деревянной двери. С кустов порхнули воробьи (удивительным образом они разлетелись и в разные стороны, и в некоем общем направлении). На балкон второго этажа вышел мужчина лет пятидесяти, его худая складчатая шея торчала из ворота толстой кофты. Мужчина облокотился на перила и оглядел окрестности. Миг – и только что зевавший, сонный, он втянул большими ноздрями еще более огромный свежий воздух, неторопливо закурил, и лицо его наполнилось спокойной суровостью. Мужчина стал похож на капитана дальнего плавания, на вторую половину песни Юрия Визбора «Сергея Санин». При виде рваного табачного дыма, синего елочного шарика, что болтался на тополиной ветке рядом с лицом курильщика, Прасковья почувствовала, что постепенно приходит в себя. Поэтому сказала:

– Доброе утро! С наступившим! Как отпраздновали?

Когда мужчина сообразил, что это обращаются к нему, то с удовольствием отмахнулся от Прасковьи, дескать, «и не спрашивай!».

– Просто охренеть! – ответил курильщик после молчания в две затяжки длиной. – Бегал чё-то, чё-то носился весь год, чё-то все мутил, туда-сюда мотался, один раз даже в больничке весной полежал из-за всего этого, еще со своей грызлись, считай, весь вечер перед курантами. И вдруг бац – просыпаюсь сейчас. И...

Он показал, что вдыхает полной грудью.

– Как так? – недоуменно спросил он у Прасковьи.

– Пока часы двенадцать бьют, – объяснила она. – Может, у вас жена что-то такое загадала.

– Если бы она загадала и сбылось... – начал он с той доверительностью, какая бывает между почти незнакомыми людьми, однако продолжать не стал, а pokrивился, словно держал во рту батарейку «Крона», затем понял, что все о себе говорит, спросил с хитрецей, и с уча-

стием, и с пониманием: – А чего вы оба в такую рань во двор вылезли? С братишкой заставили гулять?

– Ну это сын, – солгала Прасковья.

– Да ну? А тебе самой сколько?

– В этом году двадцать пять.

Балконный курильщик не стал спорить, не стал и комплименты развешивать, хотя да, Прасковья выглядела моложе, но видно было, что все же вычел семь или восемь из двадцати четырех и вздохнул не без сочувствия:

– Бывает, чё... Сама живешь, или родители помогают, или еще кто?

– Сама, – ответила Прасковья.

Если разобраться, то гомункул, что по-детски возился со снегом, был старше этого мужчины и его жены, вместе взятых, и настоящий возраст Прасковьи перекрывал и возраст вот этого вот мужчины на балконе, его родителей, дедушек и бабушек. Курильщик был перед ней все равно что младенец, а она ответила «сама» – и ощутила гордость оттого, что вся такая самостоятельная.

– А чем занимаешься, если не секрет? – спросил курильщик.

– Когда теургией, когда тауматургией, – запросто ответила Прасковья.

Конечно, особенности уральского произношения, расстояние между Прасковьей и соседом и ветер сделали свое дело.

– Драматургией? Это как? Пьесы, что ли, пишешь, как Коляда? – не расслышал курильщик, чиркая зажигалкой в промежутке между вопросительными знаками. – А ты не в двадцать пятой, случайно, живешь?

Прасковья кивнула.

– Ой, ну слушай, до чего странная квартира! – воскликнул сосед. – Там постоянно молодая мать с каким-нибудь ребенком жилье снимает. Уже года три. Раз в несколько месяцев меняются. И не то странно, что всегда вот так, а то, что никогда переезда-то и нет. У нас это заметно как нигде: лестница узкая, не развернешься, поэтому, если начинают таскать шкафы, холодильники, пианино, – считай, всё, приходится штукатурку спиной обтирать, чтобы на улицу выйти. А тут ни разу, прикинь, НИ РАЗУ не попадали, чтобы такое беспокойство. Там с мебелью хозяин сдает? Это убежище какое-то от семейного насилия или что? Ты вот надолго к нам?

«Палево», – юмористически подумала Прасковья и вспомнила, что давненько не маскировалась от соседей по подъезду, потому что особой нужды в этом не было: почти все они не являлись собственниками – выныривали из сумрака грузовых «газелей», вносили вещи в дом, какое-то время попадались на лестнице, в ближайших продуктовых, на улице, а затем снова возле подъезда стояла «газель», внутрь нее заносили коробки, торшер, невероятно чистую микроволновую печь, детали шкафа, стола, табуреты, телевизор, холодильник – машина уезжала и увозила бывших соседей в неизвестность.

В течение сорока с лишним лет Прасковья могла наблюдать, как люди заезжают в дом и съезжают из дома, где она жила, как ссорятся и мирятся, знакомятся и расстаются, даже немного участвовала во всем этом.

Труднее всего пришлось в восьмидесятые и девяностые, потому что гомункул то и дело тащил с улицы временных друзей и сам ходил в гости: возникали невольные ненужные знакомства. После перестройки стало гораздо спокойнее, а вот годы советской власти запомнились Прасковье сущим кошмаром, который наполнился непрерывным общением. Взять те же весенние и осенние субботники – их нельзя было игнорировать, чтобы казаться хоть сколько-то нормальной. Или стояние в очередях, когда приходилось отвечать на вопросы, где она работает, как справляется с ребенком, как все успевает, в какой школе и каком классе учится ее ребенок. Или тогдашний обычай их тихого городка не запирается днем (в кражах не было смысла: перетаскивание из дома в дом спичек, прищепок, турки, кастрюль, емкостей для специй без спе-

ций тайло в себе больше логистики, чем воровства). Период, пока моноколор еще не сменился триколором, вспоминался тем, что в квартиру, пару раз стукнув, мог войти кто угодно с каким угодно вопросом и просьбой. И ладно люди. Сколько чужих кошек заглядывало на огонек – и не пересчитать, а однажды, ошибившись этажом, пришел к Прасковье на кухню эрдельтерьер.

...Между тем сосед – балконный курильщик – не сказать чтобы ждал, но не был против ответов на свои большей частью риторические вопросы, и тут выручил гомункул – прекратил игру в снежки, запрокинул голову и похвастался:

– Мы в феврале хотим переехать. В центр.

Гомункул так забавно картавил, что и Прасковья умилилась. Что до соседа, тот и вовсе растаял и охотно переключил внимание с Прасковьи.

– Да ну?! – воскликнул сосед с удовольствием. – А здесь плохо?

– Здесь хорошей музыкальной школы нет.

– А... – принялся было сосед, но тут его уволокли в дом.

Впрочем, в его компании теперь не было нужды. Справа уже выгуливали кокер-спаниеля с бомбошками снега на животе, лапах и ушах, слева подъехал мусоровоз цвета оранжевой астры, покрытой пылью, с приятным пневматическим шумом принялся шевелить поршнями. Неторопливый человек подсовывал машине, один за другим, зеленые контейнеры с подарочными упаковками, бутылками из-под шампанского. Все это поглощалось мусоровозом с сотрясанием воздуха, звоном, шелестением, блеском. Как только мусоровоз уехал, пошли до лесопарка лыжники в ярких, будто фломастерами раскрашенных костюмах. Еще не пристегнув к себе ни одной лыжи, лыжники все равно шагали одной общей скользящей походкой, уже охваченные грядущим полетом по лыжне.

Холодный воздух слегка покачивался туда-сюда вроде воды, которую пытаются не расплескать, когда тащат в ведре или кастрюле. Нежно выдыхая газовый пар, прокралось по следам мусоровоза такси, такое чистое, что даже глянцево. Из городской пустоты возникла усталая компания, чтобы молча проследовать мимо гомункула и Прасковьи, скрыться из виду; люди держались так близко друг к другу, что казались единым существом. «Пилигримы», – вспомнилось Прасковье слово. Она долго смотрела в ту сторону, куда ушли люди, хоть и телефон давно достала из кармана, намереваясь проверить поздравления и эсэмэс, еще позвонить своему Саше, с ним предстояло расставание в середине февраля не потому, что все было сложно, а в силу особенностей самой Прасковьи.

Потыкав пальцем в различные части древовидной трещины на экране, Прасковья заблокировала телефон и подождала, пока приложения, замирая, подвешивая сами себя и своих соседей, отзовутся на включение. Затем в страшных муках родились, одна за одной, иконки на рабочем столе, и можно было звонить.

Прасковья разбудила Сашу, но он сказал, что нет, что давно уже встал. Тут же зевнул и стал чесаться во всяких местах, принялся ходить по квартире, закурил, поставил чайник, не прекращая отвечать на вопросы, как все прошло, было ли весело, как ему Надя. После каждого вопроса обдумывал ответ, то ли подозревая ревность, то ли отвлекаясь на телевизор и музыку из умной колонки. Кажется, у них с Прасковьей уже все было не очень, потому что он продолжил разговор сначала пенным ртом, набитым зубной пастой, затем застучал клавишами ноутбука: видимо, узнавал между делом, насколько изменилась в новогоднюю ночь политическая обстановка в стране и мире.

– Ну а Наташа тебе как? – спросила Прасковья. – Давно хотела вас познакомить. Это вот еще одна моя лучшая подруга.

– Не было там такой, кажется, – ответил Саша. – Это которая с Эдиком? Тогда норм. Удивительно стойкая девушка. Вообще, ты зря не пошла, там и дети были, было бы мелкому чем заняться.

– Нет. Наташа такая же, как я. Тоже разведенка.

– Тогда не было. Там, считай, три пары, с ними всякая мелкота, а еще, считай, Надя. Всё. Собаки Надины. Дед Мороз. Местная знаменитость какая-то, вроде блогер или инстаграмщик, но тоже мужик.

– Ага, – неопределенно ответила Прасковья на все это, бросила трубку и почувствовала, что раздваивается.

С одной стороны, она думала, что беспокоиться не о чем. Как правило, потеряшки находились живыми и здоровыми, и не только люди. Дошло до того, что в городе и звери почти не исчезали безвозвратно.

С другой – она позвонила Наташе, и оказалось, что ее телефон выключен или находится вне зоны действия сети.

Объяснить такое можно было несколькими способами. Наташа никогда не следила за уровнем зарядки смартфона; постоянно получалось при разговоре, что батареи хватит от силы на три-пять минут. «Поболтаем, но я сейчас отключусь», – говорила она почти каждый раз, когда поднимала трубку. Наташа не держалась города в праздники, ее то и дело уносило в глухие места, к едва знакомым людям. Еще она бросалась телефоном в стену, если телефонная беседа ее не устраивала. Ах да, Наташа теряла смартфоны, кошельки, ключи, забывала своего гомункула в разных местах, когда случайно, когда – поддавшись чувству, похожему на жажду самоуничтожения.

Подобное поведение оставляло мало места для тревоги за подругу, но, ведомая беспокойством, Прасковья минут десять вертела телефон в руках, в результате чего гомункул оказался сфотографирован, выложен в сеть, получил пару сердечек; выяснилось, что Натальи нет в интернете уже пятнадцать часов; несколько чужих ночных постов с елками и людьми пролайкались почти сами собой; собака в шапке Деда Мороза удостоилась хохочущего смайлика; набрано и отправлено было сообщение: «Надежда, доброе утро! Слышала уже, что Новый год неплохо прошел. Проснешься – перезвони».

И пока этот короткий текст набирался, вмешалась внутренняя редакция, почерпнутая из роликов и дзена. Прасковье не понравилось приветствие: две близких друг другу «д» мешались, стоя рядом, так что ей захотелось написать «Надежда, утро доброе», но это звучало, как ей показалось, слишком старо; Прасковья набирала, стирала, снова набирала, после чего махнула рукой и в прямом, и в смысле, отправила как есть.

Телефон зазвонил почти сразу же. Вокруг Нади на том конце имелся уличный шум, сама Надя бодро дышала в трубку, слышалось, как азартно возятся возле нее три ее ротвейлера.

– Ага, не забыла меня, это хорошо! А я и не сплю! – сказала Надя весело, с шутливой интонацией. – Вы там как? Уже пришли в себя? Ты в этом году рано. За Александра беспокоись?

– Наташка у тебя не появлялась? – в свою очередь поинтересовалась Прасковья.

– Нет, – ответила Надя, и в этом «нет» послышалось беспокойство того же рода, что и у Прасковьи. – Думала, она решила к тебе зайти. Я ее позавчера видела. Она мартини покупала, а это же ваш с ней напиток. Решила, она у тебя будет.

Прасковья помолчала и тем самым как бы ответила, что никто никакого мартини не принес.

– Она опять вне дозвона? – спросила Надя и не сделала того, что сделал бы любой человек утром первого января, узнав, что нужно срываться, идти, ехать кого-то искать, – не вздохнула.

Как и любому демону, Наде было чуждо чувство досады. Она и ее сородичи смотрели на мир одним и тем же взглядом, похожим на взгляд малолетнего ютьюбера, распаковщика наборов легио или еще каких игрушек, которого устраивают и пять подписчиков, и пятьдесят просмотров – всё ему в радость. У этого доброго отношения почти ко всему на свете были свои очевидные причины: материальное благополучие, восторг существования, невозможность заболеть чем-нибудь серьезным.

– Давай я сейчас к ней домой съезжу с собаками, – предложила Надя.

– Да что ж тебя все время тянет на приключения? – спросила Прасковья. – Это совсем не твоя работа, в конце-то концов. Оторвут тебе когда-нибудь голову, допрыгаешься.

– Так три собаки здоровенных, – сказала Надя уверенным голосом. – Сто двадцать кило зверства.

– Видела я это зверство, – ответила Прасковья. – Давай лучше без них. Только глаза соседям мозолить. Если собираешься приехать, то подожди там где-нибудь неподалеку, пока я доберусь.

– Слушай, я могу за тобой заскочить. Это не трудно, – предложила Надя.

– Ну заскочи, если тебе так все это интересно. Если тебе это еще не надоело за все годы.

– Ой, Головнякова, если что, будешь должна, да всё! А вдруг сглаз покажешь! А вдруг порчу? Дорога приключений не надоедает! – заранее обрадовалась Надя, и Прасковья закатила глаза.

Беззаботность Нади ее слегка раздражала, и звучание собственной фамилии смущало – мерещилось в ней что-то такое... путеводное, что ли, то, чем определялась Прасковья жизнь.

Ну и, конечно, «Параша Головнякова» звучало для Прасковьи несколько обидно, даже когда она сама себя так называла. Прасковье казалось, что реальность дала ей кличку. Хорошо, что эта же реальность раз в четыре месяца подкидывала ей паспорта на разные имена, разные фамилии, иначе было бы чуть более невыносимо.

– Сейчас окажется, что она просто дома спит. Вот тебе и сглаз, вот тебе и порча, – произнесла Прасковья надтреснутым от раздражения голосом, заранее выговаривая Наташе за все ее безалаберные поступки, чтобы, когда все благополучно закончится, сдержаться и промолчать.

– Посмотрим! – жизнерадостно сказала Надя и прервала разговор.

Динамик телефона в случаях, если трубку клали на том конце, всегда издавал характерный щелчок, похожий на звук, когда вода попадает в ухо. Прасковью такое неизменно раздражало, потому что, как она помнила, ее несколько раз пытались утопить, и подобный щелчок разом вызывал к жизни все воспоминания об этих неприятных случаях, включая все, что их сопровождало: беспомощность, унижение, холод, собственный крик, кажущийся отдаленным, особенное округлое грохотание пузырей воздуха, охотно вылезавших изо рта и ноздрей.

Опять же по старой памяти, если Прасковья разговаривала по телефону на улице, она чувствовала себя все равно что в телефонной будке. Уж сколько всего изменилось незаметно. К примеру, Прасковья однажды поймала себя на том, что больше десяти лет, наверно, не выносила на улицу мусорное ведро, нет, не сам мусор, именно ведро, чтобы взять его, дотащить, вытряхнуть, вернуться с этим ведром обратно, – всё пакеты, пакеты. Лет пять не держала в руках наличных денег. А вот привычка окружать себя придуманными стенками телефонной будки, видимо, осталась с ней навсегда: она крючилась во время разговора, даже на ходу; оглядывалась, будто за ней, как в старые времена, могла образоваться очередь из желающих поговорить.

По окончании разговора эти стенки лопались, возвращалась погода, с ее ветром, дождем или снегом, город разом врубал всю свою акустику, это происходило одномоментно, Прасковья чувствовала нечто вроде пробуждения, будто после короткого внезапного инэмури в трамвае или троллейбусе.

Хлоп-хлоп-хлоп – это старушка, изваяв половик в снегу, выбивала его на турнике. Солнце, желтое, как сигнал светофора, положило прямой свет на ветки деревьев, а те дотягивались тенями до стены местного ЖЭКа. Гомункул обзавелся компанией, правдоподобно делил оживленную деятельность с настоящими детьми. Подростки мимоходом поджигали и бросали петарды, дымили вейпами, пили пиво и собирались в центр города, но двигались в другую от ближайшей остановки сторону. С ними была беспроводная колонка, исходившая бодрыми звуками веселого ремейка песни «*The hanging tree*». «Одно что и осталось от дебильных “Голодных

игр” – песня, да и ту испохабили», – удивленно подумала Прасковья, но ее сейчас же отвлекли от сарказма, подергали за рукав: ребенок из тех, что бегали по детской площадке, зачем-то жалобно стал отпрашивать гомункула, которого называл Мишей, к себе в гости.

– Конечно, – ответила Прасковья. – Можете потом к нам, там какие-то конфеты, все такое. Мандарины.

«Кислые, как пиздец», – подумала она, но озвучивать эту мысль не стала.

Еще решила, что во время следующей линьки нужно дать гомункулу имя посовременнее. Макаром назвать, Елисеем, Даниилом, Назаром, а если девочка будет – Эмилией, Евангелиной какой-нибудь, а то он перестал соответствовать общим трендам. Когда его окликали «Олег!» или «Вова!», казалось, что двор на мгновение проваливается в прошлое, лет на двадцать назад.

Отпускать гомункула куда-либо она не боялась – опасаться должен был тот, кто решился бы его обидеть. Похищать его было себе дороже. Да что там, даже поссориться с ним было невозможно. Уж сколько они жили вместе, а вспоминалось это все как один огромный день. Прасковья знала: все те, на кого гомункул обратил внимание – а действовал он, скорее всего, сознательно, – чувствуют потом всю жизнь эту короткую, в несколько месяцев дружбу. Спустя огромное время длиной чуть ли не в человеческую жизнь подчас замирают, усмеваются, сожалеют о пропавшем друге: «Был друг во дворе, переехал куда-то, вот бы узнать, что теперь с ним», «Была подруга, жаль, что быстро уехала, вот с ней бы я сейчас поговорила».

Оставшись одна, Прасковья снова побеспокоила звонком Надю, не столько из спешки, сколько от внезапно навалившейся скуки спросила: скоро она там?

– Скоро! – обнадежила Надя и обнадежила еще раз: – Но, похоже, мы зря едем. Я тут попросила геолокацию ее телефона. Телефон дома у нее лежит ну или где-то близко к дому.

– А! Уже все равно, раз взялись, – сказала Прасковья. – Хотя бы узнаем, какое у нее приключение было этой ночью. А если никакого, то даже лучше. Просто поругаемся да разойдемся.

Глава 2

Прасковья не переставала удивляться демонической природе. Даже точно зная, что Надя – самый настоящий демон, Прасковья скорее себя причислила бы к чертям, чем свою подругу. Вроде бы в этом ничего удивительного не было, в конце концов, основная Надина работа заключалась в том, чтобы сбивать с толку, вызывать зависть – а трудно заставить себе завидовать, если ты выглядишь не абы как. Прасковья не могла объяснить, чем Надя отличалась от обычных смертных женщин. В любом случае, не красота Надю выделяла. Никто от вида Нади голову не терял. Если брать сексистские цветочные аналоги, ни орхидеей, ни розой, ни даже незабудкой Надя не являлась, вид ее вызывал ассоциацию, скорее, с несколькими ромашками, воткнутыми в прозрачный стакан с еще более прозрачной водой. Всякие другие сравнения лезли в голову при виде нее: крупные цветные бусины, рассыпанные по лакированному столу, зеркало, только что тщательно вытертое газетой, новые наручные часы со скользящей по циферблату секундной стрелкой – все вот такое, непонятно как вызывающее в сердце какое-то доброе шевеление. Но это были, так сказать, косвенные признаки, а Прасковья знала стопроцентный признак того, что ты знаком с демоном. Правда, для этого нужно было попасть к демону домой. В жилищах нечистой силы, как ни странно, всегда царил невероятный, недосягаемый человеком порядок.

У Нади, например, жили три собаки, все эти псы спокойно разгуливали по дому, валялись на диванах, но ни одной шерстинки невозможно было обнаружить ни на полу, ни на мебели. Таких чистых кастрюль и сковородок Прасковья не видела ни в одной человеческой квартире. Это была как будто только что купленная посуда, какой не касались еще ни продукты, ни газовое пламя. Пыли в двухэтажном Надином доме не было вообще.

Когда Прасковья бралась за ежедневную уборку, все было не так. Если у Нади в доме и до уборки блестели полы, стены и зеркала, то Прасковья как ни старалась, все равно выходило чуть чище, чем раньше, да и только, но и эта чистота буквально на глазах сходила на нет.

Прасковья начинала с кухни, затем переходила в спальню, гостиную, прихожую, заканчивала в ванной, садилась выпить чаю и видела, что на оконные стекла в кухне уже села пыль, да еще этак разводами, будто окно не мыли полгода, от соседей через вентиляцию лезла беременная тараканиха, обнаруживалось, что чайные ложки потемнели, что между холодильником и стеной кухни – паутина. Стоило закончить с кухней, сунуться на диван в убранной гостиной, как с дивана взмывала пыль и принималась по-комариному роиться в солнечном луче, проникшем меж гардин, в промежутке которых виднелось только что протертое, но уже покрытое пылью денежное дерево, а в отраженном свете этого солнечного луча особенно явно виднелись следы тряпки на экране телевизора.

В том, чтобы люди сами ели себя поедом, не в силах добиться такой же легкости в жизни, в каждом движении, не умея, за редким исключением, быть такими же обаятельными, собственно, и состояла основная демоническая функция, но, когда однажды Прасковья выразила эту претензию кому-то из знакомых демонов, тот, с присущей им убедительностью, необходимо ответил:

– Не знаю. Чем дольше живу, тем больше не понимаю, что мы тут у вас делаем. Ни один черт не сделает с человеком того, что человек сам с собой может сотворить. Искушение искушением, но ведь это человек сам решает, что делать, когда его соблазняют: красть – не красть, изменять – не изменять, завидовать – не завидовать, отчаиваться – не отчаиваться. Это при том, что у кого-то из ваших даже и выбора нет, кто-то изначально в таких декорациях оказывается, что ему ничего не остается, кроме, например, отчаяния. Что-то я даже в аду не припомню тех мучений, которые переживает какая-нибудь девочка, у которой, сколько она себя помнит, мать полубезумная, что без конца ей что-нибудь вдалбливает про неблагодарность, полупарализо-

ванная бабушка тут же, требующая заботы, за которой сорок лет нужно этой девочке горшки выносить, и эта бабушка еще и переживет эту девочку, и все это в однокомнатной квартире происходит, куда и материнские ухажеры таскаются. Этому существу, кажется, автоматически пропуск на небо нужно выписывать, если оно, небо это, вообще существует.

...Надя могла одеться как угодно и все равно выглядела мило. Когда Прасковья залезла к ней в машину, то увидела, что на подруге легкомысленная бирюзовая курточка, из рукавов которой торчат и болтаются бирюзовые же рукавицы на резиночках, из-под длинной синей юбки выглядывали ноги в белых кроссовках. Растрепанные светлые волосы, блестящие от неизбежного любопытства глаза, по-особенному розовый нос делали Надю похожей на персонажа студии «Пиксар». По приезде оказалось, что для выхода на улицу у Нади имеется красная вязаная шапка с ушами – что-то среднее между головным убором Шерлока Холмса и шарфом.

– Что? – спросила Надя, когда Прасковья радостно рассмеялась тому, что безумный головной убор сделал Надю только симпатичнее, что в этом сезоне Прасковьиной линьки они похожи если не на родных, то на двоюродных сестер – Прасковья тоже была вся такая светлая, в светлом пальто, светлых джинсах, светлой кофточке с ярким узором.

Временно потерянная Наташа жила на другом конце города, чуть дальше от центра, чем Прасковья, и тут было заметнее, что город снова подточило, блеклость окружающих зданий, людей, деревьев, вывесок так и бросалась в глаза, но прошедший праздник слегка встряхнул все это, и, очевидно, окраина выглядела теперь бодрее, чем накануне. Над пестрыми крышами частного сектора стояли лубочные печные дымки и запах горящих березовых дров; затянутый в сетчатую гирлянду фасад дома культуры, который много лет назад переделали в гостиницу «Релакс» и одноименный ресторан (завтраки, бизнес-ланчи), то медленно гас, то медленно разгорался множеством чахоточных в свете дня диодных огней. Возле двух специальных магазинов, где продавали только разливное пиво, около супермаркета и киоска «Продукты», который выглядел так, будто его только вчера забросили в сугроб возле тротуара, уже всю ходили люди. Это движение было столь интенсивно, что не пришлось прибегать к ухищрениям, чтобы попасть в Наташин подъезд – стоило подойти к двери, а она неторопливо отворилась, оттуда с таким видом, будто на работу, выпятилась девочка, волочущая за собой бублик для катания с горки.

Мимолетно глянув на Прасковью с Надей, девочка было продолжила движение, а затем спохватилась, узнала Надю. Можно было подумать, что с девочкой случился легкий приступ астмы.

– Ой, здравствуйте! Вы Надя? Я тоже. А собаки у вас дома остались? А можно?.. А можно?.. – Создалось ощущение, что девочка полезла внутрь себя, будто намереваясь вынуть сердце из груди, но, понятно, достала чудовищных размеров телефон, не дожидаясь согласия Нади, принялась настраивать камеру на селфи.

Тут бы и задать девочке вопрос: не рано ли ей сидеть в инстаграме и тиктоке? Однако Надя не спросила, да и Прасковья тоже промолчала и спокойно самоустранилась из фотографии.

После этой небольшой возни Прасковья и Надя проникли наконец в подъезд, где пахло мокрым снегом и масляной краской. Молчаливые от какого-никакого, а все же волнения, Прасковья и Надя поднялись на второй этаж, сначала стали прислушиваться, есть ли внутри жизнь. Но понять что-либо было трудно: дом наполнился телевизионными звуками и речью из квартир вокруг, слышимость позволяла различить звон бокалов и вибрацию включенного на беззвучный режим телефона.

Нажимать на кнопку звонка у двери не имело смысла – Наташа обрѣзала провода еще несколько лет назад, поскольку ее бесило, когда один из соседей, по пьяной лавочке перепутав этаж, начинал включать раздражающую соловьиную трель в ее квартире в два часа ночи.

(Оставался еще настойчивый стук требовательным кулаком, однако Наташа и тут выкрутилась – пару раз слегка навела на соседа порчу, пока он не сообразил, что долбиться к ней не стоит.)

Они постучали – ответа не было. Металлическая дверь (наружная отделка – коричневая шагрень, два замка: сувальдный и цилиндровый), встроенная в подъезд середины двадцатого века, мало того что выглядела тут гостьей (как и все остальные двери), так еще и почти издевательски смотрела на Прасковью и Надю своим единственным серым глазком, чем-то похожим на взгляд Красной королевы из первой части «Обители зла».

«Сглаз на глаз», – подумала Прасковья, быстро вынула отмычки и вскрыла оба замка, пока Надя отвлеклась на шаги сверху. Вообще, Надя должна была сказать какую-нибудь глупую шутку насчет замков, двери, поскольку очень любила веселиться, каламбурить, как правило несмешно и невпопад, – такой у нее имелся раздражающий изъясн в ее на первый взгляд безупречном образе. Однако Надя промолчала, только вдохнула, увидев довольное лицо Прасковьи.

– Ой, ну ладно! – опередила Прасковья восхищенный возглас Нади, распахнула дверь и шагнула за порог.

– Просто я люблю все эти ваши оккультреггерские штучки, – объяснила Надя, заходя следом. – Знаешь, когда ты эдак челюсть вперед и с решительным видом что-нибудь делаешь.

В приоткрытой ванной горел свет, в кухонной раковине лежало полностью размороженное мясо для отбивной.

– Знаешь, с чего у нас вегетарианство началось? – спросила Надя.

– С Лескова? – в свою очередь спросила Прасковья, к чему-то вспомнив, что при участии Лескова в свое время была издана первая в России книга вегетарианских рецептов.

– Со стишка про попа и собаку, – ответила Надя. – У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее убил. Не поп убил, а кусок мяса.

– О, первая шуточка в этом году. Смешно, – одобительно кивнула Прасковья.

Они ходили в обуви по прибранной квартире, Прасковье казалось, что сейчас Наташа выскочит из шкафа и крикнет: «Ага! У себя вы в ботинках по мытому не разгуливаете! Все с вами ясно!»

Она выдернула из розетки работавшую гирлянду, заглянула в холодильник и увидела два приготовленных зимних салата, с той разницей, что в один из этих салатов были замешаны креветки, а во второй – копчености и спаржа.

Надя глянула в окно и заметила, что оранжевые «жигули» Наташи стоят возле дома. Прасковья тоже зачем-то отодвинула тюль и посмотрела на утопленный в снегу автомобиль.

– Это ничего не значит, – сказала она со вздохом. – Уже года два она ее тут маринует. Что-то с тормозами, и с двигателем, и с печкой, кажется. Все надеется как-нибудь отремонтировать, но, по-моему, проще новую купить или продать эту на металлолом, еще тысяч тридцать добавить и нормальный электросамокат приобрести.

Надя озабоченно кивала на слова Прасковьи.

Между прочим, нашелся и выключенный телефон Наташи, подцепленный к зарядному устройству в гостиной. При помощи очередного сглаза Прасковья проникла сквозь телефонный ПИН-код, а затем и через пароль.

– Вот поэтому у меня айфон и активируется через отпечаток пальца, – сказала Надя.

Такой разговор повторялся уже много раз, но Прасковье нужно было чем-то унять свое волнение, поэтому она решила заполнить его словами.

– При сглазе все равно, даже если бы через ДНК включался, – почти с зевком заметила Прасковья. – Я бы, честно говоря, всё бы отдала не за сглаз, а, знаешь, за умение, чтобы все в руках мгновенно работать начинало, без этих всех загрузок, обновлений, без этого подвисания экрана, когда тычешь в иконку, она не реагирует, тычешь второй раз, а там уже что-то открылось в промежутке между первым тычком и вторым. Или за умение текст двумя большими

пальцами набирать, как сейчас все делают, кто выглядит на тот же возраст, что и я, потому что я-то когда щурюсь и указательным пальцем жму на клавиатуру – это выдает, что я гораздо старше, чем кажусь.

– Поверь, вовсе не это выдает в тебе человека, который гораздо старше, чем кажется, – заметила Надя, хитро блеснув глазами. – Плейлист с Муслимом Магомаевым и Анной Герман – вот что выдает. ...А вот если бы я умела в глаза, таких дел бы натворила! – сказала опять же Надя, но на этот раз с коварством во взоре.

– Каких дел? – усмехнулась Прасковья. – В личку к людям бы залезала? Ну вот смотри, Наташа – необычный человек, она вся такая трется меж визионерских сил, как ты сама знаешь, вся такая ведьма. Казалось бы, у такой женщины должны быть необычные обои на рабочем столе, какие-то фантастические фотографии, где не городские достопримечательности, а НЕВЕРОЯТНЫЕ ЛОКАЦИИ, фотографии со свечами, пентаграммами и хрустальными шарами, какое-нибудь экстремальное видео. Но на фотографиях вот – дурацкие селфи, гомункул. Среди последних приложений вовсе не тиндер какой-нибудь, а список покупок, ютьюб, открытый на ролике с рецептом. Чего от остальных людей ждать, которые и вовсе обычной жизнью живут? Но – чу! Может быть, она в ватсапе обнаженку демонам кидает или пытается соблазнить чьего-нибудь богатого супруга...

– Обнаженка, – перебила Надя. – Вот еще слово, которое выдает в тебе человека старше, чем ты есть. Сейчас не обнаженка, а нюдесы или даже нюдсы. И не смешные картинки с подписями, даже не мемы, а мемесы.

– В любом случае, дорогая Надя, в ее переписке мы наблюдаем именно смешные картинки с подписями, а не мемесы, – возразила Прасковья, вертя перед лицом Нади чужим смартфоном с диагональной трещиной через весь экран. – Потому что демотиваторы с Мальчишом-Кибальчишом, Чапаевым вот, Чубайсом – это именно что смешные картинки. И, к сожалению, они не дают ответа на вопрос, куда пропала Наташа.

Прасковья проверила переписку Наташи с Артуром, чертом, который с недавнего времени за Наташей приударял, но в последних сообщениях было только несколько вопросов: «ты где?», «ты в порядке?», «чего не отвечаешь?», оставшихся без ответа. Прасковья влезла в их чат, объяснила, что Наташи пока нет, а где она, неизвестно. Артур был знаком с нравом Наташи – она никогда ни от кого не скрывала душевных порывов и скачков настроения, – поэтому довольно беззаботно написал в ответ: «Ну лан, пускай позвонит, когда появится, а то я тут в Екб тусуюсь, ей было бы интересно».

– Как бы то ни было, – продолжила Прасковья, – я еще не завтракала ни фи́га, знаю, к чему все идет, и не готова к встрече с херувимом на голодный желудок.

Она повесила пальто на вешалку в прихожей, разулась, нашла тряпку в ванной, стала затирать собственные следы (Надя следов не оставляла), затем вымыла руки, поставила чайник, убрала кусок мяса из раковины в холодильник, вытащила из холодильника салат с копченостями.

– Но и сильно наедаться тоже не стоит, – подсказала Надя. – У херувима и укачать может.

– Никогда не была у херувимов первого января, – ответила Прасковья, поедая отгруженную в отдельную тарелку порцию салата.

Она не решалась сесть ни на один из пустующих кухонных табуретов. Надя тоже почему-то стояла. Наступал вечер, и пришлось включить свет.

– Мне кажется, они просто продолжают то, чем занимаются весь год, и никакой разницы нет, – предположила Надя, глянув на лампу у себя над головой. Лампа была в виде белого шара с зелеными и черными прожилками, словно украденная из музея советского быта. – А может, они сердитее, чем обычно. Сейчас вообще трудно загадывать, так все меняется. Раньше, когда я заглядывала к тебе, буквально года четыре назад, все было сурово и при этом карикатурно. Действительно, как в дурном кино про окраины, люди сидели на корточках, тут же барсетка,

тут же семечки, четки вертели в руках. А сейчас велосипедисты, бегуны, хипстеры до нас докатились, так интересно, на самом деле. Может, и на херувимов это как-нибудь повлияло.

– Представляю, если они на крафтовое пиво перейдут или на винишко. Или вискарь из такого ценового сегмента, который превращает алкоголизм во что-то вроде... не знаю, как сказать, безобидного увлечения с фетишами. Хайболы такие-сякие, разные наборы камней. Дорого же тогда встанет общение.

– Даже не деньги проблема в этом всем, – сказала Надя. – А то, что Сережа (мы же к Сереже сейчас поедим?) начнет продавцам правду о процентах контрафакта говорить. Как тогда с текилой из Ставрополя.

Видимо, заметив не очень веселую усмешку Прасковьи, Надя спросила:

– А ты сама? Ты же первого января тоже особо никуда... Тяжело?

Прасковья неопределенно повертела вилкой в воздухе, не находя слов, но все же ответила:

– Ну вот эти все воспоминания наваливаются неприятные, да, не очень хочется скакать и веселиться. Но это же привычно. Не так трудно, как в первые годы. Сейчас накатывает, но ведь это уже, грубо говоря, одна двухсотая от всех воспоминаний, что у меня есть. Честно говоря, жду, что мне что-нибудь заслонит этого парня из четырнадцатой квартиры, но пока не судьба.

– Ну еще нужно учитывать, что не так много времени прошло, – сказала Надя, пытаясь быть настолько убедительной, что верхнюю половину ее тела даже слегка отшатнуло от Прасковьи, будто убеждение обладало отчасти еще и реактивной силой. – Сейчас смотрю на себя тогдашнюю, даже десятилетней давности, как на кино, честное слово, а что-то более давнее – оно совсем смешалось с фильмами и книгами. Оглядываешься назад и уже не можешь различить: где твое, где за тебя уже придумано, где придумала сама. Точно знаю, что говорила на французском, но все выветрилось теперь английским. Иногда вспоминаю что-то, а ощущение, как от этой пошлой песни: «Послушай меня, деточка, прабабушку свою». И слово «пальто» склонялось, и мигрень была мужского рода, но это просто бессердечные факты, способ поддерживать беседу.

– У меня не так, – вздохнула Прасковья. – Сама знаешь. Сколько раз мы об этом говорили, ничего не меняется. Я помню, как меня пороли, как сквозь строй прогоняли, всю эту березовую кашу помню так, будто она вот только сейчас была, в каждый из дней, похожий на этот, что сегодня. Вот такой же, с легким морозом. Умела бы рисовать – каждое из лиц, что тогда вокруг были, могла бы набросать на бумаге. И много всего перед глазами стоит...

Последние слова уже сопровождали мытье наклоненной в раковину тарелки; Прасковья, говоря про глаза, действительно слегка потрясла перед лицом пенной рукой, в которой сжимала губку для мытья посуды, да так и замерла, когда послышался требовательный, из пяти ударов, стук кулаком в дверь.

Надя обмерла, а Прасковья спокойно сполоснула руки, вытерла их вафельным, но цветным полотенцем (Прасковье до сих пор казалось странным, что вафельные полотенца могут быть еще какими-то, кроме как белыми; именно белыми, скрученными в жгут, смоченными для увесистости, она получала многократно даже и по лицу, точнее помнила, что получала). Когда стук повторился, Прасковья, не скрывая некоторого азарта, взглянула исподлобья на слегка обеспокоенную Надю.

– Если это снова твоя поклонница малолетняя за очередными фотками пришла и друзей своих навела, я ей по жопе надаю, – пообещала Прасковья.

Понятно было, что девочка так колотить не могла, разве что головой и изо всех сил, поэтому Прасковья, не без радости ощутив, как дремотное чувство недавней сытости сменилось в ней азартом служебной собаки, которую вот-вот спустят с поводка, выступила в прихожую, достала из кармана пальто инструмент для порчи, надела его на руку и с удовольствием, будто являлась хозяйкой квартиры и ждала гостей, спросила:

– Кто там?

– Открывай, тварь ты лицемерная! – ответил из-за двери пропитой и простуженный низкий мужской голос и завел привычную Прасковье шарманку: – Тонет твой проклятый город, пока ты жрешь, пока себя жалеешь, пока рисуешься перед грешниками и демоном! Думаешь, отработала ночью? Думаешь, сейчас работаешь? Вот уж я задам тебе работку, мразота.

– Да что ж ты такой злой всегда? – невольно возмутилась Надя, но не с претензией, а больше с детской обидой. Так детсадовец восклицает, перед тем как расплакаться.

Прасковья уже убирала орудие порчи обратно в пальто, потому что, совершенно очевидно, за дверью находился их знакомый херувим Сергей.

– Ты там один или с друзьями своими придурочными? – поинтересовалась в свою очередь Прасковья.

– Один, один, – ответил Сергей уже более миролюбиво. – Как счет в футболе.

Даже сквозь дверь было слышно, как он почесал щетину.

Глава 3

Много различных знаний порой вылетало у Прасковьи из головы, воспоминания исчезали, но она точно знала, что по своей природе ангелы не могут задерживаться на земле очень долго. Витаминов им, что ли, не хватает. Или среда слишком токсичная, бог их знает. День, два – и привет. Впрочем, была пара исключений.

Во-первых, престолы – поскольку в материальной форме способны питаться электричеством, то в виде неоновых, светодиодных вывесок, изображений в телевизорах, а иногда и на экранах смартфонов живут среди людей много лет, внушая смертным подсознательный восторг и трепет.

Во-вторых, конечно, херувимы, наиболее крепкие из всей этой братии. Но даже им приходилось нелегко. Чтобы поддерживать материальную форму, им нужны были или спирт, или сахар, из-за чего у них наблюдались проблемы или с печенью, или с зубами. Неумение лгать и мессианская потребность доносить до людей правду являлись причинами травматического нездоровья других частей херувимских тел. Кровоподтеки, вывихи, трещины в костях – все это было следствием правдолюбия и неспособности к вранью. Из неземной природы проистекали и странные представления о гигиене. Нет, херувимы не запускали себя, как некоторые люди, до степени заплесневелого хлеба, погибшего на жаре пакета молока, трехдневного мусорного мешка, куда накиданы луковые очистки, окурки и рыба чешуя, но все же не пахли парфюмом; смесью щей и табака от них вечно несло, лежалой шерстью.

«Печально все это», – подумала Прасковья, покуда Сергей медленно заходил в открытую квартиру. Он делал это так неловко, что создавалось ощущение, будто действительно за спиной у него имеются огромные крылья, которые мешают пролезть в дверной проем.

– А, сука, – сказал он несколько раз – сначала когда споткнулся, затем когда разувался, когда раздевался и не мог повесить лоснящуюся от грязи дубленку за воротник, поскольку петельки у дубленки не имелось.

Был он коротко стрижен, но все равно лохмат теми остатками волос, что сохранились у него между залысинами на висках и плешью на макушке. Смуглый и обветренный, с трещинами на губах и болячкой в углу рта, вокруг которой не росла черная блестящая щетина из толстых редких волосков, слегка одутловатый, рыхлый, как подмерзшая картошка или старая половая тряпка, он внушал Прасковье чувство отвращения, некоторого страха, но и восхищения тоже, потому что светло-зеленые глаза его почти светились совершенно неземным огнем нечеловеческого знания. Этих глаз и не выносили всякие подвыпившие компании, случайные гопники прежде всего пытались частично загасить это пламя ударом в переносицу или в бровь.

На демонов этот взгляд действовал тоже, но только чарующим образом.

– Что уставилась? – спросил у Нади Сергей, как только она попала ему на глаза. – Можешь не стараться. Мне, кроме моей дорогой Марии, ничто больше не нужно из вашей погани.

– Так я... – начала было оправдываться Надя, но при этом не без симпатии смотрела на него: на его страшное лицо, на свитер, изначально белый, а теперь желтоватый, прожженный в нескольких местах сигаретами, покрытый чем-то вроде микроскопической пыли; на спортивные штаны с лампасами, под которые для тепла были надеты еще какие-то штаны; на шерстяные носки, поеденные молью.

Видя эту симпатию, Сергей рассердился еще больше, начал было и вовсе впадать в агитацию: ругаясь, полез в карман штанов, где обычно таскал заточку, – но тут вмешалась Прасковья.

– Чего хотел? – спросила она. – Нет, ну кроме того, что понятно. Выпивку я принесу.

Сергей словно очнулся после этих слов, но не сводил взгляда с Нади, в глазах его появилась мечтательная рассеянность, будто он не мог до конца прийти в себя.

– Ну-ка, что это еще за гляделки? – слегка взъерилась Прасковья и потащила херувима в гостиную. – Ты там сиди! – приказала Прасковья Наде, потому что та, как замороженная, устремила за ними следом.

Прасковья толкнула Сергея в кресло, хлопнула по засаленному выключателю – в люстре горели две лампы из четырех, что-то было в этом свете сродни полупадшему херувиму: не слишком темно, но и не сказать, что светло. Сергей откинулся к спинке кресла, скрестил ноги, сплел кисти рук, локти развел, отбросил голову куда-то вбок – это почему-то напомнило Прасковье па из «Танца маленьких лебедей».

– Грохнули твою Наташку, – сказал Сергей и усмехнулся, разглядывая картинку на стене – невероятно яркий водопад, окруженный брызгами и пеной, похожей на куриные перья. – Допрыгались. Киднеппершу проморгали. Жди. Теперь за тобой придут.

Услышав про киднеппершу, Прасковья, что называется, заскучала.

Так получалось порой, что реальность складывала нейроны в голове какой-нибудь девушки из обеспеченной семьи в знание, что есть черти, ангелы, оккультистреггеры, гомункулы, где они все живут, как выглядят. Девушка сама решала, каким образом поступить с этим знанием. Большинство подобных случаев, скорее всего, ничем не заканчивались, поэтому Прасковья о них попросту не знала. Но бывало, что девушку привлекала идея стать бессмертной. Тогда она могла просто прийти, например, к Прасковье и потребовать отдать ей гомункула, Прасковья не имела права отказать. Получив гомункула, кандидатка в оккультистреггеры должна была угадать настоящее имя гомункула. Если угадывала – всё, гомункул переходил к ней, а бывший оккультистреггер становился обычным смертным человеком.

Всё бы хорошо, но девицы, которых посетила идея отжать гомункула, никогда не приходили сами, чтобы просто попросить. Они затягивали в свою игру влиятельных родственников, друзей, окружающих, те подключали свои связи, и начиналась нездоровая кутерьма. В прошлый раз такое приключилось с Прасковьей, насколько она помнила, в шестидесятые. Тогда ее даже в колонию упекли, чтобы присвоить гомункула, и Прасковья несколько лет и чалилась, и жила человеческой жизнью, даже естественным образом постарела года на три.

Сергей усмехнулся, чем пробудил Прасковью из мрачной задумчивости, скосил глаза куда-то вниз и сказал:

– ...А надо чаще заходить, отрабатывать грехи. Оно, конечно, с чертями веселее, но и про нас забывать не надо. Тонет город, а им и дела нет. Муть появилась, а они и не чешутся.

– Мог бы и сам зайти, раз такой сознательный.

– Не сознательный. Триста метров медного кабеля в заброшке и всепроникающий взгляд. Всё вместе – безбедная жизнь, беззаботность, отданные долги.

– Тогда хорош проповедовать, – попросила Прасковья. – Как убили? Если киднепперша, то смысла нет Наташку убивать.

– А это все от недопонимания, – вздохнул Сергей. – Киднепперша, наверно, папу своего попросила для похищения каких-нибудь отморозков нанять, Наташка решила, что это не про гомункула, а просто какие-нибудь ушлепки с проблемами в половых вопросах. Одного покалечила, а второй ее застрелил да и прикопал кое-где в снегу.

Они помолчали.

– Так понимаю, ты не скажешь, где она теперь, – поняла Прасковья.

Сергей ничего не ответил. Надя незаметно появилась в двери прихожей, на нее Сергей и воззрился осуждающе, заезжил, видимо подбирая оскорбительные слова.

– Давай уже тогда прекращай скромничать, – напомнила Прасковья. – Опохмел. Что еще?

– Заботы кое-какие накопились, пока я сибаритствовал, – хрипло и неохотно отвечал Сергей.

Как и всякий алкоголик, Сергей умел мотать нервы, ходить вокруг да около каждого дела, множа планирование там, где требовалось просто что-то решить, нагонял на себя ненужную солидность, казалось, наслаждался собственной неторопливостью. При этом в делах, где как раз требовалось подумать, прикинуть, он проявлял безоглядную решительность. Сразу прыгаться за работу – ни в какую. Влезть в спор, в драку – всегда пожалуйста.

– Но сначала спирт, – сказал Сергей таким голосом, будто испугался, что его сейчас прогонят.

– Сходишь? – спросила Прасковья Надю, Надя покивала.

– Ей не продадут, – уверенно заметил Сергей. – Подумают, что она тайный покупатель. Давай мне карту, я сбегая по-быстрому.

– Разбежался! – злобно рассмеялась Прасковья. – Где тебя потом разыскивать, интересно знать?

– Тогда сама сходи, – предложил Сергей. – Иди, раз такая умная. Тебе продадут. У тебя рожа попроще.

– Всем вместе можно... – почти шепотом сказала Надя, поглядывая в смартфон, набирая там что-то.

– Подумают, что до нас алкаш вяжется, – уверенно возразила Прасковья, – заступаться начнут, по голове ему настучат. По-хорошему, вас бы правда двоих тут оставить, но вы или сойдетесь, или слово за слово – и он тебя порежет, Надя. За вами глаз да глаз, да и этого мало. Что молчите? Вы бы хоть, ребята, возразили, не знаю. Дали бы честное слово, что близко друг к другу не подойдете. Сережа, может, мартини тебя устроит?

Сергей дернул половиной лица, изображая что-то вроде аристократической брезгливости.

– Только после основного блюда, – сказал он, но, услышав, как Прасковья раздраженно цыкнула, подумал и согласился: – Хотя давайте. И поесть чего-нибудь. И можете обе идти.

– А ты тут в какую-нибудь нычку у Наташки лапу не сунешь, пока нас нет? – спросила Прасковья.

– Нету нычки, – сказал честный Сергей. – Она с деньгами и картой в магазин пошла, когда ее того-этого. Телефон, конечно, или телевизор, или сережки и кольца, не скрою, есть соблазн увести, потому что они ей пока без надобности, но она же потом все глаза мне выцарапает, когда хватится.

– Давай-ка мы тебя закроем, пока ходим, – заключила Прасковья. – Ты не обидишься?

Херувим неторопливо поднял на нее трезвые усталые глаза, спокойно сказал, гордо дернув подбородком:

– А что тебе до моих обид? До моих предостережений? Что тебе мои мольбы? Пиздуй давай уже за выпивкой.

Когда он или какой другой херувим смотрели так, говорили таким спокойным голосом, Прасковья на какой-то очень краткий миг чувствовала их правоту (которая все же так и оставалась для нее непонятной), ощущала их херувимскую суть из всех этих крыльев, света, слов, которые как бы ни были тихи, однако ошеломляли. Под таким взглядом она оказывалась все равно что вбитой по колено в землю.

Чтобы развеять это чувство, Прасковья спросила, вздохнув со старательным снисхождением:

– Сколько фанфуриков покупать?

– Да уж прояви щедрость, – с прежней развязностью сказал Сергей.

– Может, водки купить? Что ты с этими пузырьками?

Сергей опять аристократически покривился.

Вообще, если бы не трудная ночь до этого, Прасковья не так остро воспринимала бы три обычных херувимских состояния: и эту взвинченность, похожую на кружение водки в бутылке,

которую собираются опустошить из горла, и монументальную серьезность, и пустую ленивую говорливость, в которую впал Сергей, когда принял разбавленный водопроводной водой спирт поверх салатов и найденной и выпитой в полчаса бутылки шампанского. За те тридцать минут, пока Прасковьи с Надей не было дома, Сергей чересчур освоился в чужом доме: успел расставить по квартире несколько грязных стаканов, несколько грязных тарелок, кинул на спинку кресла свитер, – так что по возвращении пришлось сконцентрировать все это на кухне, усадить Сергея за кухонный стол и ждать, когда он, опьяневший, но при этом, наоборот, будто более трезвый, чем когда пришел, закончит болтать на отвлеченные темы.

– Что человек? – спрашивал он в пустоту, сам же и отвечал: – Человек – это таракан, ползущий по баллончику с дихлофосом. Замасленная ветошь, ползущая по кислородному баллону. Может, ну его, этот мир, девочки? Что-то чем дальше, тем хуже. Маришку жалко, конечно, но она же сама свой выбор сделала. Наташку жалко, но ведь могла быть и осторожнее. Ты ведь, Парашенька, никогда бы не вляпалась, как твоя товарка беспутая, согласишься? Да и толку от вас? Что есть вы, что нет. Столько неприютности, словами не передать. Столько беспризорников – взрослых и детей, – такого, наверно, никогда не было. Даже в девяностые, чтобы оказаться одному среди чужих людей, нужно было всех своих близких потерять, а сейчас? Полная семья, а ребенок среди незнакомых шастает, не знает, к кому приткнуться, ищет, где бы что украсть, кого бы обмануть, как бы себя продать подороже, чтобы закупить какой-нибудь ерунды, а его родители заняты ровно тем же самым. Цок, цок, цок, сердечки, комментари. Пустыня, пустыня, вам говорю! Земля, посыпанная солью проклятий и клятвопреступлений. Земля, на которую всем наплевать по большому счету. Тонуший город, где люди ходят по горло в воде – и видеть не хотят, что тонут. Уже и муть, и взвесь, и тоска. И ладно люди слабы. Но чтобы демонов все это разобщило! Было ли когда-нибудь такое время?

– Такое время всегда и было, – осторожно вступила Надя. – Демоны всегда были разобщены, в этом и смысл. Иначе мы бы всю Землю заселили. Нас влечет к людям, к херувимам, а к своим не очень. Это лишь в сказках у нас все организовано. Почитаешь, помотришь – чуть ли не вермахт. А на деле – каждый за себя. Не ссоримся, конечно, праздники вместе, тусовки какие-то, троекратные поцелуи в воздух, но чтобы так, как с Прасковьей, например, такого нет. Как-то не складывается.

Надя перехватила взгляд Прасковьи, который означал «Давайте ближе к делу», но поняла его иначе. Добавила:

– Ну или во мне дело. Есть демоны, у которых семьи, даже детей рожают, а я все не могу взять на себя такую ответственность. Некоторые с людьми живут, но это бессмысленно. Детей в таком браке нет. Лет через пять становится заметно, что что-то не так. Человек стареет, демон – нет. Разве из природной потребности подселиться, слегка кровь попортить...

Сергей, наблюдавший за Надей, пока она говорила, таким взглядом, каким смотрят на муху и ждут, когда она сядет, внезапно ударил кулаком по столу.

– Не смей! Не смей так! Не смей этим тоном! – прошипел он отчаянно.

– Ты давай тоже потише, – остановила его Прасковья. – Говори уже, что там у тебя.

Херувим надул щеки, выдохнул и выдал историю, слушая каждый следующий фрагмент которой, Прасковья думала: «Ущипните меня, я попала в оперетту».

Прасковья считала, что умеет отстраниться от своего восприятия мира и взглянуть на то или иное глазами нормального человека, но даже так произошедшее с херувимом выглядело не дико, а совершенным образом пошло, а ощущение пошлости усиливалось тем, что Сергей вставлял в рассказ слова вроде «зазноба» и «хуё-моё».

Сергей влюбился в демоницу, которую звали Мария Стержнева. («Не из моей тусовки», – тихо и быстро сказала Надя в ответ на вопросительный взгляд Прасковьи.) Херувиму хватило любви не сходиться с ней, он наблюдал за Марией со стороны. Ее деятельность казалась ему в высшей степени альтруистичной. В отличие от Нади, Мария работала учителем в начальной

школе, подрабатывала репетиторством, потому что владела английским, по алгебре и началам анализа могла натаскивать.

– Новенькая потому что, – заступилась за Надю Прасковья. – Побегает несколько лет, и линия придется.

– А то этой не придется! – сказал Сергей, кивнув в сторону Нади.

– А то ты с высоты своего сорокета можешь судить, как правильно жить, как правильно линиять, – усмехнулась Прасковья. – Когда Надя решит меняться, ей даже переезжать не надо будет.

Вроде бы и желая возразить, но не зная, как это сделать, Сергей продолжил грустную историю, которая его беспокоила. Как и всякая только что проникшая в этот мир демоница, Мария была полна ненужного энтузиазма, почему-то не знала, что большую часть демонической работы делают за демонов сами люди, дай им только небольшой повод. Она познакомилась с отцом-одиночкой, который отсудил у жены детей. Мария придумала, что будет самоотверженно пахать на трех работах, возиться с чужими детьми, обшивать, обстирывать, возбуждать этим в мужчине муки совести, что такая молоденькая, а уже с ним, а уже мать для чужих детей. Но не тут-то было. Мужчина был из тех, кому упали от бабушек, дедушек, матери и отца несколько квартир и дачных участков, все это мужчина благополучно сдавал, тупо валялся дома весь день и даже посуду за собой не мыл, как не мыли ее за собой почти все дети. С появлением Марии мужчина и прибираться перестал, дошел до того, что и одежду в стиральную машину ленился бросить. И мук совести при этом перед Марией не испытывал совершенно, ему казалось, что он осчастливил Марию материнством и заботами, потому что ее прежняя жизнь была, как он видел, лишена смысла. То, как Мария жила до него, мужчине представлялось пустой бабской суетой.

– Выручи ее, Парашенька! – взмолился херувим.

– Она сама уйти не может? – удивилась Прасковья. – Она же не дура. Среди демонов дураков нет!

– Бесы в инсулах не живут, – к чему-то добавила Надя.

Сергей посмотрел на нее, как на сумасшедшую, и продолжил:

– Она детей бросить не может! Она к ним привязалась! Это не твой кусок камня, который ты сюда притащила!

Прасковья поймала себя на том, что давно не скрывает раздражения: уже скривила рот, как будто ковыряясь языком между большими коренными зубами, моргала, тяжело поднимая веки.

– Сережа, угомонись, – попросила Прасковья как можно спокойнее. – В том, что Мария твоя добровольно занята тем, чем она занята, Надя не виновата. И что мы можем сделать? Вот скажет она: «Нет». И что? Что мы должны будем сделать?

– Так вам Наташа нужна или нет, я не понял? – спросил в свою очередь Сергей. – Постарайтесь.

– А ты не думал, что мы можем других херувимов попросить?

– Удачи! – воскликнул Сергей с удовольствием и сделал такой жест, будто разбрасывал волшебную пыльцу над столом.

Затем навалился грудью на столешницу и зачем-то стал спрашивать не у Прасковьи, а у Нади:

– Кто у вас есть, девочки? Гоша и Коля? Так они на сахаре! Один вас и на порог не пустит, второй в отпуск по святым местам отправился. Остается Федор, но он в пригороде, идите ищите по дачным поселкам и деревням. Да и найдете – мы ведь солидарны. Я им скажу, они, если и не против будут, все равно помогать вам не станут, хоть ты убейся.

– Пользуешься тем, что нет заповеди «Не шантажируй»? – упрекнула Прасковья.

Сергей обернулся к ней, хитро поглядел из-за плеча:

– Пользуюсь тем, что заповеди – это штука исключительно для бескрылых и безрогих.

– А ты крылатый или рогатый? А то я уже сомневаюсь, кто тут из вас двоих демон.

Сергей слегка изменился в лице, и Прасковья опять ощутила себя вбитой в землю.

– Не сомневаешься, – сказал Сергей уверенным голосом. – Тик-так. Тридцать девять дней осталось. Если вы мне Марию не вытащите, то и про Наташу можете забыть, будто ее и не было. Хотя что это я говорю? Вы про нее и забудете! Впрочем, туда ей и дорога!

– Я сделаю как ты хочешь, – ответила Прасковья. – Но затем я с тебя спрошу. Ты опять будешь у меня в ногах валяться и на сопля исходить, но я спрошу с тебя, Сережа.

– Не сомневаюсь, что спросишь, – сказал Сергей, отворачиваясь и выпивая. – И валяться буду, конечно, потому что еще не теряю надежды, что ты нормальный человек, что тебя иногда еще можно вразумить... Ты ведь решила после всего этого опять на год постареть? А? А?

– Не твое дело, – ответила Прасковья чуть более нервно, чем следовало бы.

Сергей усмехнулся. Его опущенная голова, утонувшая в плечах, была похожа на ежа, сидящего меж двух верблюжьих горбов.

– Что-то ты там еще про муть говорил, – напомнила Прасковья. – Сильно слепит?

Горько вздохнув, Сергей кивнул куда-то в сторону, произнес:

– Сама считай, про оброненную мелочь даже не говорю. Алюминиевых банок не вижу, денег не вижу, кошельков не вижу, а если бы и видел, то ПИН-код не смог бы разглядеть у карты, теперь и что покрупнее не могу рассмотреть. Те же бутылки, чтобы сдать, – по нулям давно. Всякий цветмет – холодильники, стиралки, телевизоры, ноуты там – голяк. Если бы не работа, давно бы ласты склеил с голодухи. Только всякую живность еще различаю, но тут как бы и неудивительно. Все живое, считай, херачит, как эти фонарики новомодные, с которыми по лесу ночью как днем можно гулять. Но и то. Вот мыши у меня завелись, а я их проморгал. Давно такого не было. Понятно, что сам виноват со своим загулом...

– Да ладно, бывает, – посочувствовала Прасковья. – До тебя несколько раз случалось, что херувимы вообще слепли, пока до нас добирались. Чуть ли не на ощупь меня находили. Всякие заброшенные заводы можно было годами на цветмет растаскивать. Военные части. Узкоколейка. Сейчас таких развалов халявы нету... А что за муть?

– Автомобиль, – ответил Сергей с готовностью. – Малиновый девятос с магнитолой. Он между двумя и тремя часами ночи появляется, то в одной части города, то в другой, то дискотеку восьмидесятых гоняет, то рэпчик, то еще что-нибудь, а на следующий день во дворе, где он стоял, кто-нибудь мрет. Понятно, что гражданам это оптимизма не добавляет.

– Так интересно! – восхитилась Надя. – Почти все время разное!

– Если с моей стороны смотреть, то выходит, что ничего интересного нет, – сказал Сергей. – Да и ничего удивительного во всем этом. Мир создан так, чтобы все в нем противоречило чуть ли не само себе, в этом и есть его стройность, так он в равновесии и держится. Нет движения быстрее сверхсветового, но Вселенная расширяется быстрее. Опять же, существует бесчисленное количество вселенных и параллельных миров, но они все одинаковые. Люди разные с виду, а суть одно. Да посмотреть хотя бы на нас с тобой: в том, какие мы есть, имеется определенная логика, но чувствуется в этом некое противоречие. Так и муть. Это одна и та же муть, именно поэтому выглядит она каждый раз иначе. Реальность неизменна, но многолика настолько, что каждый раз поворачивается к людям такой гранью, которую они еще не видели. А то, что видят люди, видим и мы. Куда нам деваться?

– Это действительно все очень забавно звучит, – вмешалась Прасковья, – особенно когда слышишь все эти философские штуки в тысячный раз. Будто спектакль по Чехову пересматриваешь в очередной трактовке. Но есть вопросы посущественнее. Например, есть у этой машины номер? Приметы какие-нибудь особые?

– Есть, наверно, как не быть? – сказал Сергей. – Но в данный момент мне их не видно. Только почерк ее, этой машины, как у маньяков. Но зачем тебе приметы? Ты ее собираешься

в базе искать? По мне, так это лишнее мозгобство. Ты же с демонами путаешься, а демоны – с мусорами. Пусть уж знакомый ментёнок какой-нибудь сольет инфу вот этой твоей...

Он пощелкал пальцами, указывая на сидевшую напротив него Надю.

– Наде, – подсказала Прасковья.

– Да похуй, – сказал Сергей. – Да. Ей. Что там-то, там-то люди жалуются на громкую музыку в машине среди ночи. Можете сегодня и начать, если вам время дорого.

Глава 4

Трудновато было распротиться с херувимом. Он пытался заночевать в квартире у Наташи, для чего начал притворяться, что засыпает. Когда его выдворили и предложили подвезти до дома, Сергей стал артачиться, что не поедет в нечистой машине, предпочтет идти пешком. Ведомая уже не рациональными побуждениями о безопасности херувима, а усталостью и профильтрованной сквозь эту усталость чистой ненавистью, поэтому с виду бесстрастная, Прасковья вызвалась проводить Сергея до его жилища. Она осведомилась у херувима: устроит ли его автобус, если Прасковья за него заплатит (получилось – и за автобус, и за Сергея). Херувима это устраивало.

– Езжай, Надя, тут уж я сама. А обратно такси вызову из своих, – сказала Прасковья.

Надя сказала, что доедет до Сергея и подождет Прасковью там.

Разумеется, проводы обернулись несколькими приключениями, одно другого краше.

По пути до остановки Сергей поскользнулся и чуть не ахнул об лед набитый едой и напитками пакет, который ему собрали девушки. Нужно отдать Сергею должное – сначала он махнул ногами, завис в воздухе на такое мгновение, какого достаточно было Прасковье, чтобы оценить безнадежность ситуации и для стекла, и для костей херувима, но Сергей скомкался вокруг гостинцев, тихо ударился оземь, так что внутри него ничего не хрустнуло, не звякнуло, только шапка отлетела в сторону.

Полчаса ожидания на особенном ветру – когда ветер дул, Прасковья чувствовала все швы на пальто.

Автобусные рассуждения Сергея, в которых он принялся объяснять, почему не сел в машину к Наде. «Мы, конечно, почти родственники, я чувствую это родство, Парашенька, мне от него хорошо, но и так же плохо. Так со смертными не бывает душно, а как представил, что с демоном в этой металлической коробке нужно сидеть. Нет! Не смог! От демонов, понимаешь, такой дух. Он вам приятным кажется, а нам, небесным жителям, мертвечинкой потягивает». Молодой кондуктор с удовольствием развесил уши по относительной тишине пустого салона, иронично улыбался, ходя туда-сюда, поглядывая на громкого херувима. Всё бы ничего, но кондуктор и сам не далеко ушел от херувимов в том, что касалось прикида.

Не обошлось и без насилия: выбравшись из автобуса, Сергей миновал несколько встречных прохожих, будто выбирая кого покрепче, а когда наконец нашел верзилу, крикнул ему: «Пидор!» С огромным удовольствием Прасковья сама бы отделала Сергея, но так устала и хотела домой, что остановила разозленного мужчину пинком в тестикулы и поволокла херувима дальше.

Жил Сергей в двухэтажном доме желтого цвета, из тех, которые выглядят, будто их не строили, а придали куче сырой штукатурки более-менее форму параллелепипеда, водрузили сверху двухскатную крышу, вдавили окошки, приставили деревянное крыльцо с изначально исхоженными ступеньками и четырьмя облезлыми почтовыми ящиками на входной двери. Так хорошо было направить херувима в глубину подъезда, что Прасковья ощутила к Сергею что-то вроде благодарности за то, что он не стал долго прощаться, а заспешил к себе.

Затем Надя везла Прасковью, а та, вымотанная, уже почти не чувствовала поворотов, только смотрела вперед, слушала Надю и радио, изредка отвечала. Они решили, что займутся делами через пару дней, когда Прасковья придет в себя после новогодней ночи, и от этого решения сразу стало легче и безмятежнее, поскольку нет ничего приятнее, чем отложить неотложное, – возникает ощущение, что чуть ли не смерть отодвинута на потом, хотя это, конечно, не так.

Улицы, по обе стороны освещенные фонарями, казались одной бесконечной шахтой лифта. Надя многословно, однако приятно одобряла ангельскую привычку говорить правду,

а Прасковье нравилось просто глядеть вперед, слушать музыку. По пути проигралось много песен, но было так сонно, так тепло, так снежно, что возникало ощущение, будто всю дорогу звучала «Сексуальная кошка» «Крематория».

– Ты вот хвалишь Сережу, – хриплым от усталости голосом, как бы сквозь сон возражала Прасковья Наде, – а ведь были и есть нормальные херувимы, которые тоже говорят правду, но не так. Ее можно просто говорить, а он же ее, не знаю... Так в кино булыжник, знаешь, к нему записку привязывают и в окно закидывают. Слишком много шума от этой правды, много злости. Такая правда больше отторжения вызывает, чем принятия, а правду человек и так с трудом принимает. До такой степени, что самообман всегда почище любой лжи, что снаружи приходит, даже если это вранье самое изобретательное. И при этом пирамиды, секты, выборы. До сих пор удивляюсь, что вы ничем таким не занимаетесь.

– Понимаю тебя, да, – улыбнулась Надя.

Прасковья давно уже выяснила, что демоны не занимаются политикой. «Это скучно, будто грузчиком работать, – пояснил однажды кто-то из бесов, – громоздить кучу из мешков с кормом и тумачами, а затем еще задницу чью-то на самую верхушку пристраивать... То еще развлечение».

...И не уснула, пока ехали, но все равно, будто разбуженная, вынута из машины, хотя и сама вышагнула, махнула силуэту Нади, подождала зачем-то, когда габаритные огни автомобиля сойдутся на повороте в один, после чего снова будут раздвоены силой движения и перспективы, глянула на три светящихся окна своей квартиры: ночник, люстра, лампочка в матовом пластмассовом шаре. На прощание Надя успела поцеловать Прасковью в щеку. «Привет собачкам». «Привет мальчику». Как-то хорошо было от всего этого. Не хотелось думать про Наташу, но все равно думалось, как ей там лежит на холоде. Но Прасковья однажды тоже пролежала месяц в ноябрьском лесу, заносимая листьями, покрываемая инеем, объедаемая животными, мучимая голодом и жаждой, – много всего она тогда успела передумать в ожидании Наташи, и каждая из этих мыслей осталась до сих пор с ней, как и каждая минута, проведенная в состоянии смерти, и не все из этих воспоминаний были неприятными. И Наташе не мешало чуть-чуть повалиться таким образом, побыть, так сказать, в оккультрегерском отпуске, или, как они порой говорили, «пройти омолаживающие процедуры».

Прасковья добралась до квартиры и открыла дверь, гомункул вышел из своей комнаты и прижался лицом к рукаву Прасковьиного пальто, ноздри его слегка дрогнули, когда он вдохнул запах шерсти и снега. Прасковья погладила его по голове.

– Кто-нибудь приходил в гости? – спросила она.

– Да, – ответил гомункул, отлепился от Прасковьи, ушел на кухню и, пока Прасковья переодевалась в домашнее, во всякие там тапки, треники и майку, наполнил чайник и поставил его на плиту.

В промежутках между различными бытовыми действиями вроде мытья рук средством для мытья посуды, гляделок с едой в открытом холодильном отделении, установки на пять минут таймера микроволновой печи Прасковья и гомункул перекинулись вопросами-ответами. Прасковья спросила, сколько было гостей, гомункул ответил, что три. «Побесились?» – спросила Прасковья, на что гомункул ответил утвердительно. «А ели что-нибудь?» – снова спросила она, потому что не заметила грязной посуды в раковине. «Так... – неопределенно ответил он. – Шоколад. А мандарины кислые, не понравились никому».

Микроволновка запищала сигналом грузовика, сдающего назад. Прасковья вытащила наружу раскаленную с одного края и прохладную с другого тарелку с фрикасе, а точнее – резаную курятину, размешанную со специями, сливками и вешенками, но временно забросила ее на столе. Не пользуясь ложкой, Прасковья натрусила растворимого кофе в кружку с кипятком. Погоняв несколько кусков рафинада по почти пустой коробке, выбрала один, пока размешивала его, вспомнила, что раньше были щипчики для сахара и она ими пользовалась. Да что там

щипчики, у нее был угольный утюг, причем не так и давно. Сколько там? Двадцать – нулевые, еще двадцать – восьмидесятые, еще двадцать – шестидесятые – вот тогда и был у нее этот утюг, до того как удалось обзавестись электрическим.

Гомункул вытянул руки по столу, лег головой на правое плечо, смотрел на Прасковью, а ей нравилась линия, которую образовывали лоб, щека, подбородок повернутого к ней на три четверти лица.

– Опять тебя украдут, – обратилась к нему Прасковья со вздохом сожаления. – Не чокнуться бы.

– Нужно было взять меня с собой, – будто не услышав, спокойно сказал гомункул. – Я бы Сергея уговорил насчет Наташи... И муть нужно быстрее разогнать, – продолжил он, помолчав. – Это заразная машина. А то потом сама же будешь ругаться, когда придется их по всему городу ловить.

Гомункул знал, о чем думала Прасковья, вплоть до самых мимолетных ее мыслей, она могла и не отвечать ему вслух, но ей хотелось слышать звук собственного голоса.

– Так я не знала, что Наташа действительно влипла, – ответила Прасковья. – Да еще и успеешь ты побыть не дома. Ну и вид Сережи, конечно. Надо оно тебе? А Наташе полезно полежать – подумать. Тем более она сама до этого довела, когда херувимов вокруг себя разогнала постоянным кидаловом. Один вон аж в пригород сбежал. Если время будет поджимать, тогда и уговоришь.

– Но она не изменится, – возразил гомункул настолько спокойно, что даже как бы скучая. – Только на время.

– Так и город мы спасаем только на время, потом он опять тонет, мы его вытаскиваем, причем не только мы, а и люди вокруг. Это не значит, что мы не нужны, просто это нормальная рутина.

– Справедливо, – сказал гомункул.

Он, как и Прасковья, был в трениках, тапках, но не в майке, а в красной футболке. Принт с человеком-пауком отчасти сливался с цветом ткани. «Как город с окружающей географией», – невольно подумала Прасковья.

Чуть позже, когда Прасковья завалилась на неразложенный диван и укрылась одеялом, этот алый цвет вспыхивал в кресле в ответ на всяческие бледные мерцания телевизора в зашторенной темной комнате. Еще и мята зубной пасты не истаяла, еще Прасковья чужла запах геля для душа, с каким помылась, прежде чем упасть, и даже задремать не успела, а Саша, ни одного сообщения не приславший за целый день, позвонил, будто из засады, и предложил познакомиться с родителями.

– Ой нет, давай в другой раз, Саша. Я сегодня уже уработанная, – ответила Прасковья, а подумала: «Бедный».

Саша помолчал, но угадывалось, что обиделся. Кажется, он давно готовил этот сюрприз, к этому знакомству с различными родственниками Саши Прасковью вели, видимо, собрали что-нибудь на стол, хотели посмотреть на гомункула, прикидывая, насколько такой большой ребенок впишется в роль нежданного внука. Прасковья отчасти обиделась в ответ, потому что Саша как бы делал ей одолжение: принимал разведенку. А Прасковья должна была радоваться уже одному только факту Сашиного благородства. С другой стороны, он имел право обижаться, хотя еще и не знал, что его кинут; что все их сексы являлись отчасти (как совестливо думала Прасковья) актами реверсивного изнасилования.

– Ну вот что ты, – сказал Саша. – У меня и сестра вечер с подружками бросила. И брат из Катера приехал специально с женой и дочерью. Так трудно, что ли? Давай я заеду, а? Я ведь согласился с твоими Новый год встречать.

– Было не совсем так, – напомнила Прасковья. – Тебя Надя увела.

– Так ты из-за этого так взъелась? – тоскливо спросил Саша. – Ну извини, не знаю, что на меня нашло. Но ты ведь сама раз десять меня прогоняла. Иди да иди! На боли какие-то все жаловалась, что у тебя там болело, ты хоть сама-то помнишь?.. Мне и сестра сказала, что я дурак, – неожиданно признался он. – Сказала, что после этого номера, который я учудил, никуда бы не пошла на твоём месте.

– Ты своим родственникам рассказываешь, что между нами происходит? – делано возмутилась Прасковья. – Спасибо, блин, дорогой! А у мамы ты советов не спрашиваешь?

Он смолчал, но понятно стало, что замялся.

– В общем, давай завтра как-нибудь поговорим или еще когда, – сказала Прасковья и не без опасения, что он перезвонит еще не раз и не два, положила трубку.

Держа в руках телефон, глядела, как вспыхивает во тьме футболка гомункула. Звонка, к счастью, не было, и Прасковья незаметно для себя переключилась на другие мысли, припоминала случившееся за день, в очередной раз удивлялась этой экосистеме, которая выстроена была между бесами, людьми и херувимами. Надя паразитировала на Прасковьиных чувствах и на чувствах остальных людей, но это было такое нежное, в большинстве своем приятное паразитирование, отчасти обоюдное, так что почти и симбиоз. Умение Нади шарить в медиапространстве, как и ее обширные знакомства, были незаменимы, но требовались очень редко. При всем при этом Надя и Прасковья общались довольно близко. Надя через знакомого черта обеспечивала Прасковью земной работой, что, помимо оккульттрегерского скупого заработка, было неплохим подспорьем в небогатой Прасковьиной жизни.

Херувимов, по совести говоря, неплохо было бы посещать почаще, однако тут вмешивались два обстоятельства. Те херувимы, что жили в городе, не спешили общаться с Прасковьей, если им хватало денег на спиртное. Когда херувимы избегали встречи, их трудно было отыскать, они будто проваливались в какую-то городскую щель, куда Прасковья не имела доступа, кормились, собирая цветмет и бутылки, занимались этим, пока поднятая в городе муть не заслоняла их взор настолько, что невозможно было уже так легко конкурировать с обыкновенными смертными алкоголиками. Тогда уж кто-нибудь из херувимов мог достать Прасковью чуть ли не из-под земли, готов был, хотя и небезропотно, выслушивать упреки: где он был раньше, когда муть можно было задавить в зародыше, потратить на нее, еще медленную и неловкую, меньше сил?

С херувимами трудно было вести дела, и ну бы их совсем, но все упиралось в пару нюансов: только херувимы умели воскресить оккульттрегера, если до такого доходило; только херувим мог указать гомункулу, в чем заключена очередная муть.

Прасковья слышала, что в области есть города с покладистыми херувимами, которые сочетают алкоголь, семейную жизнь, чуть что бегут к оккульттрегеру; где симпатия и ненависть между херувимами и бесами выражены не так энергично, так что не нужно бояться, что они начнут сожительствовать, вступать в брак, что херувим может порезать беса. Неизвестно, от чего это зависело. Может, эти города отстояли дальше от проклятого областного центра, может, там было больше солнечных дней в году, словом, неизвестно, почему все обстояло так, но Прасковья не хотела менять свой город на какой-нибудь другой.

Она подозревала, что спокойствие или движение в городе зависели от ее собственного темперамента и от живого нрава Наташи, а если они переедут куда-нибудь, то всякая оккультная движуха начнется и там.

Вот и теперь она лежала, чувствуя, что перешагнула через сонливость, ощущала себя бодрой настолько, что готова была дожидаться нужного времени, а там уж выбраться на поиски мути, ходить и кататься по улицам, пока муть не будет найдена и переосмыслена. Стоило, наверно, согласиться на предложение Саши, тем более он прислал эсэмэс в надежде, что Прасковья передумала. Можно было скоротать время до охоты, побыть среди настоящих людей, наврать им с три короба про свое прошлое. Часы показывали только полдевятого.

Готовая немедленно скинуть одеяло, подняться, Прасковья вздрогнула и на мгновение проснулась. Сквозь сон она увидела, что гомункул подобрал с пола оброненный ею телефон и кладет его на стул рядом с диваном.

– Да ты мой хороший, – сказала Прасковья, отворачиваясь лицом к стене, как плащ захватывая одеяло у себя на горле.

Даже звонок в два часа ночи ее не разбудил. Да, она взяла телефон, посмотрела на него, увидела, что это Надя, но это не заставило ее выйти из сна. Знание, что есть Надя, всегда готовая помочь, красные всполохи из кресла, почти беззвучный шепот телевизора успокоили и убаюкали ее еще больше.

Глава 5

Утром гомункул подождал, пока Прасковья приведет себя в порядок, приступит к завтраку, и только тогда принес телефон и, не говоря ни слова, включил Надину сторис в инстаграме. Замер, держа экран перед глазами Прасковьи, чтобы она могла не отвлекаться от еды.

Прасковья не подавилась, когда увидела, что сделала Надя, но все же поймала себя на том, что все время, пока смотрела этот необычный перформанс, так и не донесла кружку до рта, так и держала ее между лицом и столом и сама отчасти ощущала себя этой кружкой, как бы зависшей между землей и небом.

А Надя беззаботно щебетала с экрана, забавно хмуря брови в тех местах, что казались ей наиболее серьезными.

– Дорогие подписчики, – говорила она. – Возможно, прозвучит безумно, но все, что я скажу, – правда. Дело в том, что в нашем городе то и дело появляются аномалии. Они всегда разные, но их объединяет одно – они всегда приносят беду: вспышки неизлечимых болезней, внезапную гибель людей, депрессию. Вы можете пошутить, что аномалии, которые приносят депрессию, никогда наш город не покидали со дня его основания, но это совсем не так. Даже неизвестно, что хуже – горе, у которого есть причина, или беспричинное горе, когда тебя окружают замечательная новая музыка, новые книги, новые фильмы, хорошая погода, когда вокруг какой-нибудь праздник, а ты всего этого не чувствуешь.

«Да что ты, выдра, можешь о депрессии знать?» – успела подумать Прасковья, потому что находившаяся в кадре Надя – слегка лохматая, ненакрашенная, в мятой какой-то футболке – выглядела лучше и милее, чем могла бы выглядеть Прасковья сразу после парикмахерской, магазина одежды, косметолога. Когда Надя двигала головой, на ее шее то и дело взблескивала цепочка – тонкая, как паутинка, возможно, дешевая, из таких украшений, которые продаются на кассе супермаркетов, но, господи, тут же хотелось при виде этого тонкого блеска не забыть приобрести в «Магните» или «Пятерочке» что-нибудь этакое дебильное.

А Надя меж тем продолжала:

– Так вот, у нас завелась аномалия. Наверно, вы слышали про нее, потому что мы замечаем такое, хотя все это проходит по разряду городских легенд. Я вот глянула в паблик «Уральская крипота» (ссылочка в первом комментарии), а эту аномалию уже активно обсуждают. Если что, это про пасту «Девятос». О чем там? Да все просто.

Тут Надя пересказала страшную историю, которую, скорее всего, сама и написала, разбавив услышанные от херувима слова любовной линией и художественными деталями.

В конце она сделала что-то вроде заявления:

– На самом деле все серьезно. Пишите в паблик, где вы видели эту машину, ее номер. Если удалось сфотографировать ее или записать видео, пожалуйста, не стесняйтесь, расшаривайте.

Гомункул положил телефон, и, прежде чем экран погас, Прасковья успела увидеть восемьдесят тысяч сердечек под постом Нади. Прасковья поставила кружку и завистливо задумалась, что, если б она сама сделала такую запись, последовала бы мгновенная отписка половины аудитории (человек сто кануло бы одномоментно), а остальные, пожалуй, стали бы относиться к Прасковье как к слегка помешанной городской безумице. Ах да, еще тролли принялись бы комментировать и присылать адреса, где видели машину.

Надя от всего этого была защищена самим фактом того, что она собой представляла. Инцелы, тролли, инцелотролли, троллеинцелы считали ее своей Дульсинеей, ну или, на современный лад, вайфу. Да что там, Прасковья тоже отчасти считала ее своей вайфу.

Задумка Нади подключить жителей города к ловле мути была интересной и неожиданной, но именно поэтому первое, что захотелось сделать Прасковье после просмотра поста, –

позвонить и слегка поворчать на это как-нибудь, спрятать за добродушными замечаниями досаду, что не она сама это придумала. «Но, дорогая Парашенька, – рассуждала она, постукивая пальцами по столу, – от кого ты скроешь, что тебя слегка жаба душит? Давай-ка успокойся».

Надя не стала мучить Прасковью сомнениями, откликнулась на поставленный Прасковьей лайк вопросом в личке: «Я не переборщила?» Они тут же созвонились, слово за слово совсем не о деле, и вот уже Надя выманила Прасковью из дома в заведение, похожее на паб, отрехтованный до состояния кофейни. Прасковья прихватила с собой гомункула, и они обе какое-то время не начинали разговор, а смотрели, как гомункул разглядывает интерьер, отделанный под дуб, хаотически расположенные светильники, гирлянды, пристроенные согласно какой-то паучьей логике к потолку и углам; смотрели, как гомункул поедает одно за другим три пирожных.

Прасковья зачем-то всегда заказывала американо, а потом страдала, когда запах кофе становился привычным и как бы исчезал, и при каждом глотке ей казалось, что она пьет ржавую воду только что из-под крана. Из этого вкуса, а не из настоящего недовольства возник у Прасковьи ответ на Надин вопрос: «Ты не обиделась?»

– Конечно, я обиделась! – Прасковья зачем-то схватила несколько салфеток и, повернувшись к гомункулу, но глядя на Надю, стала вытирать щеки и руки гомункула, хотя тот не особо и уделался. – Не на тебя конкретно, а вообще. На людей. За всю эту придурь. За готовность деньги нести на курсы, где обещают английскому за два месяца научить, за то, что ведет какой-нибудь педиатр свой блог, где дает дельные советы, а людям он до фонаря, зато к больному на голову мошеннику, который предлагает все болячки лечить мануальной терапией, акупунктурой и напитками на основе соды, – к тому, да, в очередь записываются за полгода вперед. Или говорит человек: «Я – живое воплощение бога на земле!» И ему не возражают, принимаются ему квартиры отписывать, молиться на него начинают. Откуда эта тупизна? Ума не приложу!

Незаметно для себя она оставила в покое гомункула, обнаружила, что таскает за ухо кофейную чашку и что уже депрессивно высказалась и про свое оккультрегерское напрасное дело, и про город, которому, возможно, следует исчезнуть, потому что нет толку в этих одинаковых домах, административных зданиях, скрывающих убожество под сайдингом, дорогах, которые как ни ремонтируют, а они все равно выглядят будто погрызенные бобрами. Что сколько ни вливай в город тепла, а никуда не деваются покосившиеся заборы, грязь весной и осенью, два рекламных щита в центре с выцветшими ободранными плакатами пятилетней выдержки (один – с утекшим в областной центр депутатом, показывающим большой палец, второй – анонс жилого комплекса, чьи цементные скелеты до сих пор возвышались над частным сектором юго-восточной окраины города).

Много еще чего она сказала в таком ключе, но когда подняла глаза, то увидела, что Надя смотрит на нее и улыбается, не скрывая восторга. Прасковья покосилась на гомункула, но и он, казалось, улыбался, но не потому, что ему было весело, а по той простой причине, что в нынешнем воплощении лицо у него было озорное по умолчанию.

– Одно и то же, – пояснила Надя свою улыбку. – И безнадежнее были времена. Не знаю, может, у тебя много что вытеснилось из памяти и я много что подзабыла, но сорок второй год – извини. Неужели сейчас хуже, чем тогда?

Прасковья сделала вид, что не поняла, о чем это Надя, а та явно намекала на какого-то знакомого демона, который играл в жизни Прасковьи какую-то важную роль. Возможно, Прасковья даже была в него влюблена, потому что до сих пор ощущала боль потери, когда в памяти возникало одно из оставшихся от него воспоминаний, в котором он легкомысленно с ней пререкался: «Парашенька, милая, давай ты не будешь беспокоиться. С точки зрения смертных, мои поступки выглядят рискованно, с этим спорить не буду. Но пойми меня. Это я должен вызывать у людей зависть и восхищение. Но сейчас я испытываю все это по отно-

шению к людям, которые безоглядно жертвуют своими единственными жизнями. Я никогда не смогу сделать больше, чем они, потому что этот смертный ужас бесами непостижим. Да и в конце концов, я вообще-то Античность прожил и Средневековье, хотя говорю это – и сам себе не верю. Что мне сделают эти смешные младенцы в серых костюмчиках? Черепа и кости, молнии, свастики – это даже смешно, им нужно разнообразить декоративные элементы еще чем-нибудь, а то это уже становится скучно. А я вывезу еще нескольких военнопленных из лагеря, и еще, и еще, потому что останавливаться нельзя, нужно как-то их переупрямить, этих серых человечков».

Когда, бывало, совпадали в Прасковье припадок самоуничтожения и это воспоминание, она с мазохистским удовольствием, как пластинку, проигрывала в себе одну мысль: «Замечательная ты баба, Параша. Черт обратно в ад от тебя сбежал».

– ...Ну так разве хуже? – переспросила Надя.

– Да не хуже, не хуже, – сварливо согласилась Прасковья. – Только все равно опасно, что ты каждый раз со мной таскаешься. Муть – не человек, цацкаться с тобой не будет, отвинтит тебе голову когда-нибудь, а мне потом страдать.

– Это лучше, чем если она тебе голову отвинтит, я даже помнить не буду, что ты когда-то была. Наверняка вас раньше больше жило в городе, а сейчас всего две.

– М? – обратилась Надя к гомункулу. – Что скажешь? Ты-то должен все помнить?

Она не поленилась приподняться, перегнуться через стол, чтобы потрепать гомункула по голове:

– Ходячая ты БСЭ.

– Были, да, – подтвердил гомункул. – Но в тысяча девятьсот девяносто восьмом в городе поднялась тройная муть: киллер, котлован на окраине и...

– ...и стая дворняг! – перебили его Надя и Прасковья хором.

– Ну вот, – оглядел гомункул подруг. – Светлана, Лидия была. И не стало их.

И Прасковья, и Надя знали, что просить гомункула вернуть воспоминания об ушедших оккультрегерах бесполезно – все равно что уговаривать радиоточку снова зачитать новости или требовать у старого телевизора, чтобы он по новой выступил с пропущенной передачей. При всей видимой одушевленности гомункул не жил, а делал что-то другое, что можно было назвать, наверно, осуществлением процесса жизнедеятельности, техническим переживанием человеческих чувств. Прасковья знала, что большую часть времени гомункул обитает сразу в двух головах, в ее и в своей, по работе может заглядывать и в другие. Сама она, когда была такая необходимость, входила в соприкосновение с его разумом и поражалась тому, как он делит на фрагменты каждое впечатление, сколько звуков, слов, оттенков, мимоходом даже не замечаемых Прасковьей среди обыденности, он запасаает в ячейках своей памяти, а затем с легкостью собирает в нужный эпизод.

– По совести говоря, – призналась Надя, прижав руку к груди, – лучше бы забывалось что-нибудь другое. Недостаток большой жизни в том, что ты помнишь то, что помнить не следует, а забываешь то, что нужно бы помнить. А еще недостаток большой жизни в том, что все эти американские фильмы-биографии выглядят еще одной вариацией фильма про Павку Корчагина, честное слово. Вот что я забыла бы с удовольствием. Павку. «Белеет парус одинокий» Катаева – тоже. Книгу и экранизацию.

– Это да! – не смогла не откликнуться Прасковья. – А еще эта нынешняя движуха с обижающимися людьми, с этим: тут обижаться имеешь право, тут не возникай. Знаешь, что она мне благодаря моему возрасту напоминает? Книгу Жарикова «Судьба Илюши Барабанова». Там про мальчика, единственный талант которого – безупречное классовое чутье. И вот начало двадцать первого века, и внезапно это чутье оказалось актуальным. Чутье не совсем классовое, но близкое к нему, так что можно его считать эволюцией того, прежнего. Когда это до нас докатится лет через пятнадцать – мало не покажется никому.

– И при всем этом атеизме, отрицании всего прежнего, патриархального, глупости и суеверия больше, чем в девятнадцатом веке, кажется! – заметила Надя и почему-то рассмеялась. – Херувимы правы насчет этого противоречащего самому себе мира. Бога отрицаем, но и прививки тоже у нас плохие, зато Земля плоская, а в мистицизм настолько залезли, что аж Одина вспомнили, Тора и прочую шушеру, но все это попсовое – от рун до комиксов, что аж кринжово. Не мир, а этакий *pop-Hades*, или, пелевинским каламбуром говоря, поп-адос. Очень забавна вся эта мифология вокруг потусторонних сил, конечно.

– Мифология мифологией, смех смехом, а собачек ты назвала все же Пестик, Фамик и Беллик. Не стыдно?

– Поддалась тренду, – притворно потупила глаза Надя, затем хитро взглянула на салфетницу и спросила: – Их, кстати, брать на дело?

– Что с вами, собачниками, не так? – делано возмутилась Прасковья. – Ты, как их завела, будто с ума сошла. Как это вообще можно любить? Смесь слюней и шерсти. Сиди дома и лижись со своими ротвейлерами. Не нужны они! Не нужны! Там, где меня могут кончить, собаки точно не помогут! Тем более твои блоховозы, совершенно невоспитанные... Нет-нет, не спорь. Блог этот про дрессировку – это профанация. Собаки в вас просто влюбляются с первого взгляда и каждое слово понимают. Но и вы к ним что-то такое испытываете. Смотрю на всё со стороны, и знаешь что? Похоже, ты им душу продала – вот как это выглядит.

В полумраке, в желтоватом свете, в перемигивании гирлянд трудно было увидеть, что Надя зарделась, но этот внезапно подкативший к ее лицу румянец угадывался по тому, как Надя быстрым движением прижала ладони к щекам. Очевидно, шутка насчет наличия у нее души очень ей польстила.

– Просто в городе холодно, а у меня нет никого живого рядом, чтобы погреться, – объяснила Надя вполголоса.

– В любом случае трудно что-либо планировать, – вздохнула Прасковья. – Понятно, что нужна будешь ты, твоя машина, потому что ночью бегать по городу не очень удобно. Если хочешь, бери собак – машина-то твоя, в конце концов, или багажник осиновыми кольями забей и святой водой. Все, что угодно. Лишь бы успеть до того, как новогодние выходные закончатся. А то ведь я вас просто сожру обоих, дорогие мои, когда с работы на эту охоту, с охоты на работу, а на работе хотя и не запрещается вздремнуть время от времени, но это ведь все равно работа, на которой хочешь не хочешь, а устаешь.

Надя смотрела на Прасковью понимающе, при том что усталость была ей незнакома. Она, кажется, могла не спать месяцами, стоило в любое время дня и ночи прокомментировать у нее что-нибудь в соцсетях и тут же приходил отклик. На любой звонок Прасковьи Надя почти сразу поднимала трубку.

– А пока не начала жрать, – продолжила Прасковья, – давай я тебе, Надюша, все же спасибо скажу. Идея с инстаграмом классная. И дело не в том, что ролик нужный. Дело в том, что он такой, как надо. Без пятиминутного вступления с упоминанием какого-нибудь спонсора ебучего, без этого монтажа, когда из-за того, что паузы вырезаны и все смонтировано для большей динамики, из-за чего иллюзия возникает, что сама реальность скотчем скреплена и едва держится. Без сования рук в кадр. Не жестикуляция, нет. А вот когда говорят: «Первое», – и показывают указательный палец, затем монтажная склейка и какое-то утверждение, которое склейками перемежается, затем снова склейка, «второе», – и уже два пальца – указательный и средний, опять склейка, опять утверждение со склейками, – и так все время. Как это бесит! Старая я, видимо, для рваного монтажа.

– У меня почему-то всегда получается одним дублем... – сказала Надя вполголоса и как бы извиняясь.

– А самое главное, – не дала ей закончить Прасковья, – что весь ролик не обман! Что не пришлось смотреть пятнадцать минут что-то вроде «Как отчистить пригоревшую кастрюлю с

помощью соли и соды» и узнать в конце видео, что никак! «Как приготовить шашлык в квартире?» – никак! А честно смотришь полчаса.

– Можно сразу под конец перемотать... – снова тихим голосом произнесла Надя.

– Дело не в этом! Дело в том, что люди изначально знают, что нельзя отчистить кастрюлю, нельзя пожарить шашлык, а все равно принимаются записывать видео. А у тебя, за что ни возьмись, у тебя нет обмана, и тем-то ценно, что ты записала и выложила. Нужно будет знаешь что сделать?

– Что? – подняла глаза Надя.

– Когда все это закончится, выложить подведение итогов, если хочешь.

– Нужно, чтобы все сначала закончилось. Не буду планировать, – при этих словах Надя откинулась на спинку стула и скрестила руки. – Не хочу загадывать, – вздохнула она.

– Да фигня это все. Не суеверничай. Я эту машину уже почти люблю и так, без посторонней помощи, – Прасковья невольно глянула на гомункула. – Переосмыслию как-нибудь.

– Уже придумала как? – спросила Надя.

– Да в фестиваль какой-нибудь, – сказала Прасковья первое, что пришло в голову. – В фестиваль малиновых девятков. Можно сюда еще девятую «Балтику» приплести, улицу Девятого января. Считай – перевернутое число зверя, может, казачки местные начнут возбужать на это или еще кто, заодно дополнительный пиар.

– Опять фестиваль... – скептически поморщилась Надя. – Скоро от фестивалей будет не протолкнуться. Я же тебе рассказывала, как позапрошлым летом в Тюменскую область ездила?

– Может, и рассказывала, только что-то я не помню.

– Тем лучше, – заметила Надя. – Короче, не знаю, что там происходило, сколько там было мути, но местные переработали все это в гору фестивалей. От фестивалей не протолкнуться. Включаешь областной телеканал, а там все благостно: фестиваль меда, фестиваль яблок, фестиваль резной игрушки, фестиваль плюшевой игрушки, фестиваль игрушки, плетеной из бересты, фестиваль такой народной песни, сякой народной песни, фестиваль народных костюмов. Наверное, это перебор. А если появится муть – фестиваль? Во что вы будете это переосмысливать, девочки?

– Как пойдет, – улыбнулась Прасковья. – У нас, к счастью, довольно широкое пространство для маневра. Русская реальность так выстроилась сама собой, что можно двигать не только в позитив это все. Можно углубить тоску, отчаяние, и в этих тоске и отчаянии начинает светиться надежда, у нас люди от депрессняка, если его углублять и расширять, начинают получать своеобразное удовольствие. Чем беспросветнее, тем светлее. «В раю мне будет очень скучно, а ад я видел на земле». «...И хоть мы и врем, потому ведь и я тоже вру, да довермся же наконец и до правды».

– Все равно это уже скучно, – заметила Надя. – Взять пример Питера. Можно как у них сделать. Кто-то там просто и красиво переосмысливает все в Васю Ложкина и «Свиное рыло».

– Так то Питер, – возразила Прасковья. – Я над этим думала. Давно уже пора переосмысление только блогерам подкидывать, тиктокерам, всяким фотографам, потому что всем остальным деятелям культуры, ну, все равно, что хоронить. Ты же сама мне альбомы местных членов Союза художников приносила! Это просто утилизация. Хоть бы кто хайпанул, а то уже город потихоньку гаснет и остывает. Человеку двадцать лет скармливаешь переосмысление, а он всё березки рисует да церковки. Вот и получается только, можно сказать, щепками местных новостей подтапливать. Хотя, если так глянуть, окинуть взглядом страну: что-то не так, если слово «муть» в лексику людей проникло. Вроде и хайп, а люди замечают, что муть пишут, что муть снимают, что муть рисуют, что телеканалы мутью заполнены.

– Так есть двое, которые хайпанули и уехали, а ты все жалеешь ими город подогреть.

– Жаль, что тобой нельзя температуру поднять, – сказала Прасковья со вздохом. – Ладно, это всё слова. Так можно долго планировать, у меня куча всяких идей, что со всем этим делать,

с этим теплом. Я тут про энтропию почитала и посмотрела всякого научпопа и думаю: а если все потихоньку погасить до тепловой смерти города, так, чтобы никто ничего не заметил, чтобы, знаешь, всегда было такое существование, как на какой-нибудь открытке, где зимняя деревенька изображена: всё в снегу, дымки. Чтобы никаких новостей, никакой мути и жизнь такая, неотличимая от смерти, – что есть, что нет. Ничего хорошего в этом нету, но и ничего плохого. Чтобы каждый, кто к нам въезжал, все равно что отчасти умирал, отчасти погружался в этакий сон.

– Мне кажется, такое равновесие будет труднее удержать, чем жонглировать теплом, мутью, знаменитостями, переосмыслением.

– Да, – внезапно подтвердил гомункул. – У нас это лишь случайно может получиться. Идеальные условия для такого – замкнутые территория и культура. Для этого нужно, чтобы в другую страну перекинуло, да и то неизвестно в какую.

– Что вы набросились? – притворно взъелась Прасковья. – Это всё мечты! Как мечта жить в городе, который заселяли бы одни только таксисты с моей работы. Мне это уже который раз снится, и каждый раз после такого сна очухиваешься с огромным сожалением. Такой же город, как наш, но в домах никто не живет, в окнах, когда наступают сумерки, случайным образом горит всякий свет: под ночник, под телевизор, под гирлянду. И кругом желтые и белые машины автопарка «Пятидесятка», и больше никаких других. А людей совсем нет, в некоторых дворах стоят маленькие киоски, где нет безнала, на витринах несколько шоколадок, на табачной стойке две пачки стиков для айкоса, холодильник забит банками газировки, которую, разумеется, никто не покупает (потому что в городе пусто), а за прилавком – одна и та же скучающая девушка, которая смотрит сериал, где говорят на незнакомом языке.

Глаза Нади загорелись, она, перебивая, замахала рукой, затараторила, восторженно вдыхая в промежутках между предложениями:

– Не наступают сумерки! Всегда полный мрак, но он то летний, то осенний, то весенний, то зимний. И куча цветочных киосков, которые как аквариумы, и на каждом гирлянда с цифрами «24», но видно, что в киосках никого нет, одни букеты и всякая чепуха, всякие сувениры, цветные коробки с бантиками, цветные коробки в виде сердца. И в окнах супермаркетов тоже всегда яркий свет, так что супермаркеты видны чуть ли не насквозь, есть надпись «Работаем круглосуточно», но видно, что охранник и кассир – неподвижные манекены. Стекланные останки с табло, на котором светятся оранжевые цифры времени, даты и температуры воздуха, – к такой подъезжаешь, и кажется, что на остановке кто-то ждет автобус, но это тень от ближайшего дерева так легла. И поворот в обход парка, где сквозь ограду торчат ветки. Асфальт там настолько ровный, что можно решить, будто не ты объезжаешь парк, а он вращается перед тобой. И еще там должна быть промзона с кирпичными зданиями и высокими окнами, но в них не стекло, а зеленые стеклоблоки.

– Это ты уже не сон мой дополняешь, а жизнь мою пересказываешь, – напомнила Прасковья, чья человеческая работа находилась как раз таки в промзоне, в окружении старых кирпичных зданий, а окно ее диспетчерской выходило на бетонный забор, за которым высилась красная стена какого-то цеха, и ничего не было в этой стене, кроме сплошных мелких кирпичей, от которых рябило в глазах, и маленького металлического балкона, выкрашенного белой краской, и металлической балконной двери, тоже белой. На этот балкон то и дело выходили курить тамошние мужчины в оранжевых касках и спецовках болотного цвета.

– Сегодня начнем? – спросила Надя.

– Получается, что завтра, раз после двенадцати. Значит, третьего. Надо бы улечься до восьмого, иначе капец: работа, Саша еще этот, охота эта – по отдельности еще туда-сюда, а все вместе сочетается не очень.

Прасковья говорила это уже как бы сквозь работницу кофейни, которая убирала за ними посуду и грязные салфетки, причем делала вид, что не замечает людей за столом, не слышит,

что они говорят. На миг выключилась эта обоюдная призрачность, когда работница кофейни спросила: «У вас все хорошо?», получила ответ и тут же выпала из Надиной с Прасковьей реальности и выгла их из своей.

Глава 6

Уж искали что-то подходящее, равноудаленное от каждой самой крайней точки города, а все равно получилась не география, а такое что-то сатирическое, политическое, российское, родное, вроде выборов. Как бы и сознательно подыскали место, чтобы успеть на любой зов из любого конца города, то есть сами выбрали, прикинули, приехали, припарковались на одной из центральных улиц, полной яркого полуночного электрического огня, витрин, несколько нарочитых чистоты и блеска. Что могло пойти не так? Но вот первая ночь, сигнал с юго-запада, а уже чуть загодя внезапный снег навалился на город всем телом. Снегоуборочные машины выкатились, заполонили все вокруг, одна сломалась, в другую въехал поскользнувшийся на собственном тормозном пути внедорожник, и этого хватило, чтобы сгустить ситуацию до такой степени, что Надина машина оказалась заперта со всех сторон. Прасковья выбежала вызывать Яндекс. Такси, но то обещало прибыть не ранее получаса, и пришлось отказать, похерить свой рейтинг. Злая Прасковья вернулась к Наде вместе с занесенным снежными хлопьями гомункулом и, будто в отместку самой себе за глупость, призналась, как прошла ее встреча с родителями и родственниками Саши вечером перед охотой за мутью.

– Мы сравнялись с этими замечательными людьми в лицемерии и вопросах, которые вроде про одно, а на самом деле про другое, – рассказывала Прасковья. – Хорошо, что я не мать-одиночка, потому что сначала их реально смутило, что я в данный момент не пью. Это для них был недобрый знак. Ты не представляешь, какая волна ужаса прокатилась по лицам этих бедных людей, когда я это сказала.

Заботливо обутые в плюшевые тапки Прасковья, которую Саша знал под совсем другим именем, и гомункул по имени Миша были посажены за стол, и началось знакомство, больше похожее на шахматный дебют вроде славянской защиты. Пешечные вопросы и фразы пошли типа: где работаете? М-м, понятно. А какое у вас образование? А родители кем работают? А собираетесь образование продолжать, потому что сейчас ведь все учатся непрерывно?

Прасковья спокойно врала про образование и родителей, насчет работы ответила правду, но мысленно попросила гомункула стереть из памяти Сашиных родственников и ответ, и сам вопрос, чтобы его больше не задавали. Гомункул кивнул, не поднимая лица от тарелки.

Отчасти Прасковья жалела, что в очередной раз не может влиться в одну из таких семей – красиво выстроенных наподобие аккуратной башенки игры «Дженга», в одну из семей, приемы гостеприимства которой складывались на протяжении многих лет, как театральный репертуар, и теперь нельзя было прийти к этим людям без того, чтобы не получить в обязательном порядке: плюшевых тапок, определенных салатов, конкретных десертов, полувекового сервиза подо все эти салаты и десерты, определенного даже освещения.

Все, кроме сутуловатой от усталости Прасковьи, сидели прямо, поэтому Сашин отец, худой, с зачесанными назад темными волосами, большими глазами, узким прямым носом, с длинной шеей, закрытой воротом черной водолазки, расправленными узкими плечами, походил на Майю Плисецкую. Мама Саши, его старший брат, его младшая сестра, дочка брата, с их особенными, зеленовато-голубыми, глубоко посаженными глазами, русыми волосами странного оттенка, близкого к оттенку шерсти британской голубой, распространяли вокруг стола свое удивительное сходство, создававшее у Прасковьи чувство, что инспектировали не только ее, но и отца семейства, но и жену Сашиного брата, маленькую рыжую женщину, которая то и дело выскакивала покурить на балкон. Она если и поглядывала на Прасковью, то не без симпатии, в основном же следила за дочкой – высокой, чуть ли не с нее ростом девочкой лет десяти, потому что та будто специально пыталась уронить вилку или кружку.

Да, все сидели прямо, но Сашин брат был прямее всех, его слегка откинуло назад силою выпитого коньяка, при этом в его полноватом лице было столько женского – яркие, будто

накрашенные, губы, пушистые ресницы, – что он походил на собственную мать больше, чем сама мать на себя походила. Он и вел себя, так сказать, по-матерински, создавалось ощущение, что все вокруг некоторым образом его дети, он старался сделать так, чтобы разговор не перешел в ссору. При том что вопросы, задаваемые Прасковье, были обыкновенные, хотя и с некоторым наездом, Сашин брат все же взял на себя обязанность слегка заступаться за гостью. Когда поинтересовались насчет Прасковьиных родителей, получили ответ про доярку и механика, сочувственно вздохнули, Сашин брат рассмеялся, как опереточный артист, и ввернул:

– Ох, а мы так! Чем у нас там прадед занимался, если никто не наврал? Он у нас то казак-пластун, то раскулаченный, то чуть ли не купец.

– Это разные дедушки, – вспыхнув, заметил Сашин отец, голос его был мягок и осторожен.

– Чё-то как-то у нас их много, дедушек этих. Всех их расстреляли, а мы тут сидим как ни в чем не бывало!

Когда Сашина мама взялась высчитывать разницу в возрасте между гомункулом и Прасковьей, Сашин брат не выдержал, фыркнул:

– Я же не спрашиваю, почему я через три месяца после вашей свадьбы родился!

Ему, наверно, казалось, что Прасковья чувствует себя неловко, потому что да, вот семья, а она пришла с готовым ребенком, на которого ее жених Саша соглашался, но истоки Прасковьиной неловкости находились совсем не в той стороне, где Сашин брат развивал свою адвокатскую деятельность.

В памяти Прасковьи имелось множество воспоминаний про такие пристальные современные знакомства с семьей жениха (на фоне этих воспоминаний то и дело невольно, памятью почему-то включалась песня «*I got you, babe!*»). Если к невесте имелись какие-то претензии, то они, в зависимости от агрегатного состояния гостыи, всегда были высказываемы пассивно-агрессивным образом. Невесте исполнилось двадцать пять, и у нее имелись какие-то бывшие, и тогда спрашивали, почему так, спрашивали, как все было, она ли бросала или ее бросали, почему бросала она, почему бросали ее. Если у невесты имелся ребенок, это слегка осуждали, дескать, ну что это такое, нужно было заниматься образованием, а не глупостями, куда это годится, наш сын в это время еще только о плейстейшн в новогоднем подарке мечтал, а тут такое.

Но даже если невеста, что называется, берегла себя до свадьбы, то и тут на нее или смотрели как на лгуницу с тайной дочерью в деревне у бабушки, «которая вам ничего не будет стоить», ну или просто начинали осторожничать, будто невеста была слегка ебанько.

Как бы ни вела себя семья, Прасковье было не сказать что безразлично, просто стыд по отношению ко всем этим в принципе радушным людям был гораздо сильнее любого давления извне.

– Какая же я все-таки лицемерная сука, – сказала Прасковья Наде. – Каждый раз одно и то же. Стыдища такая, когда на улыбки смотришь, на попытки понравиться.

Вместо ответа Надя неопределенно подняла брови, отвернув лицо от Прасковьи, стала перебирать радиостанции в автомагнитоле, которая работала так тихо, что едва была слышна через внутренний шум автомобиля и внешние звуки уличной уборки.

– Я понимаю, что все эти проблемы с женихом – это смешно, потому что это всё траблы сериала «Горец». Что я подставил человека, что даже брак нельзя зафиксировать, потому что паспорта меняются постоянно. Что уже было такое и опять на те же грабли...

Действительно, Прасковья пару раз состояла в постоянных отношениях, оба раза это было очень тяжело: на протяжении всей жизни приходилось как-то скрываться от друзей гражданского мужа, чтобы хотя бы не показывать совершенно невзрослеющего ребенка. Под конец было и легче, и тяжелее: свое присутствие рядом со стариком можно было объяснять заботой

молодой сиделки, дальней родственницы, но потом была смерть человека, с которым прожили несколько десятков лет, – кажется, даже на гомункула это действовало угнетающе.

– Но ты же уже все, конечно, решила, – так и не глядя в сторону Прасковьи, заметила Надя тихим голосом.

– Еще не решила, – возразила Прасковья, она так углубила отрицательную интонацию, что провалилась голосом чуть ли не в бас, отчего невольно рассмеялась и уже со смехом спросила: – С чего ты взяла?

Надя поболталась в кресле, головой помотала, ничего не говоря, но в этом движении угадывались слова: «Ну вот, типа, откуда-то взяла».

Наконец их выпустили.

– Ладно, – смиренно произнесла Прасковья в молчании, которое сопровождало их по дороге до дома, – надеюсь, завтра мы закончим с этой дебильной сказкой про малиновую машинку.

Наде так понравилась фраза про сказку, что следующей ночью, когда чат в ее телефоне выдал локацию проклятого автомобиля, Надя, с энтузиазмом косясь на Прасковью, протянула с улыбкой:

– Слу-у-ушай! Ты прямо угадала с этой сказочностью вчера! Мы зна-а-аешь куда едем? В поселок, где ты несколько лет назад поработала! Который тебя впечатлил!

Видя, как Прасковья с деланой наивностью хлопает глазами, Надя изобразила раздраженный вздох, выдала этакое сердитое рычание, сказала:

– Вот эта вот твоя хаотичная амнезия – ни в какие ворота! Ты столько всего не помнишь самого интересного про себя, что даже не знаю! Там муть была в виде прохода к монументу павшим воинам, рядом с проходной завода. Ну? Неужели?

– Вообще глушняк, – честно ответила Прасковья. – Сама же знаешь. Такое со мной часто бывает.

– Ну, ты эту тропинку среди деревьев переосмыслила в вагину, соединила со сломанными часиками возле ворот на проходную завода, еще чего-то там намешала с годом основания поселка – числом сорок два, с Дугласом Адамсом, с улицей, которая сама себя пересекает в нескольких местах, все это вы с гомункулом сунули в голову местной студентки филфака, а она такой верлибр выдала, что слегка пошумела в области. Сейчас на всяких ресурсах феминистических публикуется.

– Круто, – сказала Прасковья. – Может быть, что-нибудь из этого и выйдет. Как тогда с Тобольском и Тюменью. Как на железную дорогу надоумили народ и, считай, центр области в другой город перенесли. Никогда заранее не угадаешь, сработает – не сработает. Мы уже тогда знакомы были, нет?

– То есть про железную дорогу ты помнишь? А когда и где познакомились – тут у тебя снова амнезия. Очень ловко, Прасковья Батьковна!

Надя, всячески притворяясь уязвленной, ненадолго оторвала взгляд от дороги, по которой они двигались довольно шустро: вроде бы только что стояли на набережной пруда, неподалеку от здания, похожего на поставленную вертикально половину пилюли (пруд, кстати, был некоторым образом тезкой Нади по сути, потому что носил название Шайтанский), – а вот уже миновали мост, перекинутый через реку, так заросшую деревьями, что будто над парком проехали, нырнули в березовую аллею с грунтовыми ответвлениями, мелькнула похожая на туристическую палатку остановка, и Прасковья успела увидеть в свете фар, что название остановки – аббревиатура из четырех букв; что за аббревиатура, разглядеть не успела.

– Да помню я, что мы познакомились в Петербурге, когда там еще на улице курить было запрещено, – сказала Прасковья. – Это, получается, где-то первая половина тыща восьмисотых. Затем гигантский пробел, и уже Сибирь.

– Не пожарник, а пожарный. Не «можно», а «разрешите обратиться». Тюмень – не Сибирь, – ответила Надя, явно кого-то изображая, потому что, пока произносила эти слова, не на дорогу смотрела, а в зеркало, прикидывала: насколько удачно лег воображаемый грим, как точно удастся передразнить интонацию и голос.

Спохватилась, виновато покосилась на Прасковью.

– Что? – не поняла Прасковья.

– Так. Просто.

Надя на какую-то секунду потускнела, но дальнейшее оживление ее было таким радостным и ярким, что Прасковья не только не успела понять, а сразу же забыла, что Надя впала в очень редкую для беса меланхолию.

– Смотри-смотри-смотри, – зашебетала она, – в прошлый раз тебя это очень поразило, когда мы тут кругами катались, ты тут...

– погоди, Надюш, – прервала ее Прасковья и выключила радио. – Заглуши машину, пожалуйста. Может, сегодня успели, может, музыку слышно.

В подступившей темноте особенно заметно блестели в звездном свете снежные обочины, среди черневших слева домов и деревьев стала видна красно-белая вывеска магазина «Красное и белое». Справа стояли приземистые, неисчислимы без света длинные бараки гаражного кооператива, именно оттуда доносился не звук, а ощущение басов автомобильной аудиосистемы.

Надя прошептала несколько слов так тихо, что лишь по щелчку ее языка, который подразумевал звук «л»; по следующему «х», похожему на выдох, которым нежно греют чужие замерзшие пальцы, но не для того, чтобы по-настоящему согреть, а скорее для того, чтобы изобразить нежность; по мягкому «т» и следующему за ним мягким «п» Прасковья угадала фразу: «Ну и слух у тебя».

– А чё шепотом-то? – спросила Прасковья, не замечая, что и сама шепчет.

Гомункул, опередив мысль Прасковьи, щелкнул застежкой ремня безопасности, уверенно открыл дверь, выпрыгнул наружу, покуда Прасковья натягивала шапку, поправляла шарф, надевала рукавицы. «Еще губы начни красить», – подумала с иронией, чтобы подбодрить себя, поскольку, помимо любопытства и азарта, ощущала и страх, который подкатывал под сердце, а то, в свою очередь, толкалось где-то в горле.

Именно по причине страха она сказала гомункулу, вылезая на холод (а ветер этого холода был какой-то особенный рядом с мутью, от него шел запах инея и льда оттаивающей морозильной камеры):

– Раз уж все равно у меня в голове, мог бы как-нибудь, я не знаю...

Гомункул, как и всегда в таких случаях, если Прасковья высказывала претензию, что он не помогает ей побороть страх, спокойно ответил:

– Так я уже.

Прасковья быстро зашагала к гаражам, освещая себе путь телефонным фонариком, гомункул засеменял за ней. «Интересно, кто Наде стукнул про машину? Кому тут в этой глуши из кирпичей и железных ворот музыка помешала?» – подумала Прасковья, чтобы слегка отвлечься. Затем, чтобы опять же успокоить себя, стала вспоминать, как звали машину-убийцу в романе Стивена Кинга, но в голову, кроме имени Кэрри, ничего не приходило, несколько раз Прасковья споткнулась, потому что шевелящаяся в контрастном свете фонарика грунтовка, скупо осыпанная щебнем, обманчиво выдавала углубления за выпуклости и наоборот.

И вот в конце одной из просек между двумя рядами гаражей Прасковья увидела светящуюся автомобильную фару ближнего света – эта светила постоянно, вторая, более тусклая, подмигивала в такт ударам аудиосистемы. Мелодия была неразличима за дребезжанием автомобильного корпуса.

Будто загипнотизированная, Прасковья, ни секунды не раздумывая, пошла навстречу этим полтора фарам, хотя гомункул зачем-то и ухватил ее за рукав, под шапкой вдруг стал не пот, а пар, такой, будто не голова была у Прасковьи, а чайник, а шапка – чехол для чайника, как в старые времена. Прасковья почувствовала, как скользко у нее между лопаток от пота. Она увидела елочку ароматизатора в салоне, протертые серые чехлы для сидений, сделанные как будто из ткани для полицейских рубашек, холодную аптечку в багажнике, ледяную записку, чуть ли не покрытые инеем инструменты, услышала сквозь басы песню Михаила Круга и Вики Цыгановой «Приходите в мой дом», и Прасковье захотелось коснуться капота дурацкого малинового автомобиля, чем-то похожее на зубило. Как зачарованная, Прасковья двигалась на свет фары. Но дорога, раскрашенная в цвета черепаховой кошки или пестрой бордер-колли, в очередной раз подвела ее: темнота, выглядевшая ровной в том месте, где ступала Прасковья, оказалась надкусанной шинами колеей, Прасковья упала, а машина, будто напуганная, попятилась в темноту, плавно, будто кулисой, закрылась тишиной и мраком. Пропала.

– Блядь! – с досадой прошептала Прасковья, не чувствуя боли от ушиба левой половины тела, словно она не упала, а прочитала о падении в книге или подсмотрела в фильме. – Сука!

При этом она чувствовала облегчение. Она была уверена, что будь вся эта муть сильнее нее, то накинулась бы, поглотила ее этими басами, этой глупой музыкой, этими одной с половиной фарой, качающейся над лобовым стеклом елочкой, серыми мышинными сиденьями, чертвыми от старости резиновыми ковриками.

Подступил гомункул, протянул рукавичную руку, которую Прасковья с досадой оттолкнула, сама поднялась сначала на локоть, затем на четвереньки, все еще поглядывая в ту сторону, где полминуты назад стояла несчастная «девятка», словно в надежде, что муть не исчезла насовсем. Но тут Прасковью и гомункула осветили фары Надиного автомобиля, и Прасковья поняла, что на сегодня все кончено.

– Слушай, ну это невозможно, – говорила Прасковья, откинувшись на подголовник сиденья. – Без Наташки трудновато. Так бы мы с тобой в одном месте, она – в другом: все больше шансов. Надо как-то Сергею уговорить. Это же, считай, по трупу в день. Мути несколько месяцев. Это сотня лишних трупов в городе за все время. К его гуманизму воззвать, что ли?

– Боюсь, это у тебя больше сил отнимет, чем ловля, – вздохнула Надя, и Прасковье стало понятно, что Надя права.

Надя была права, но днем Прасковья все же прихватила гомункула и поехала к Сергею, в его квартиру, где в прихожей висели несколько замасленных спецовок и фуфаек, стояли валенки с резиновым низом, дутьши с графитовым блеском грязи, где пахло кошками, хотя кошка была всего одна, да и та сразу скрылась из виду, как только Прасковья и гомункул перешагнули порог.

У Сергея появилась подруга. Когда сели на шаткой кухне, где от малейшего движения шевелилось все: половицы, табуреты, ходил ходуном стол, накренился старый холодильник обтекаемой формы, покрытый магнитиками, – в кухне стала хозяйничать женщина под стать самому Сергею: несколько помятая, не сказать что некрасивая, но со следами былой красоты, отрихтованными алкоголем, и смотреть на это было еще грустнее, чем если бы женщина эта была некрасивой изначально. Худая, шаркающая замасленными тапками, в одном очень ярком желтом халате, чистом, видимо, потому, что куплен этот халат был недавно. Он был велик подруге Сергея; пока герлфренд херувима собирала чай, двигалась туда-сюда, Прасковья зачем-то разглядела в промежутки между пуговицами, что на ней нет нижнего белья, зато есть татуировки на груди и животе – что-то такое крылатое, будто скопированное со старых пачек сигарет *Memphis*, *Paramount* или *American Legend*, – всматриваться не очень хотелось.

– И не проси! – сразу же заявил Сергей, глядя в числа выцветшего настенного календаря с котятками.

Календарь был за две тысячи первый год, а котята и того старше, еще эти ретушированные пушистики голубого цвета с неестественно зелеными глазами, словно изъятыми у афганских детей и вставленными в глазницы зверюшек.

– А что так? На принцип пошел? Так мы тебе все равно обе нужны, кто знает, как там Маше помочь.

– Что за Маша? – спросила женщина Сергея.

– Тебя ебет, что ли? – внезапно взвился Сергей. – Съеби вообще, блядь, хули ты тут уже вторую неделю трешься?

– Да ты, скотина, охуел, что ли! – возмутилась женщина. – Ты бы без меня загнул тут! Ты мне подарок на мои деньги купил, сука, хоть бы постыдился!

Видно было, что Сергей постыдился, но и рассказывать правду насчет ангелов, бесов и оккультреггеров он тоже не мог. Как ни велико было искушение оставить вредного херувима наедине с его подругой и скандалом, Прасковья все же решила вступить за давнего товарища.

– Это сестра моя, Маша, его племянница, как и я, – сказала она.

– А сам ты не мог сказать? – на полтона ниже, но все еще ядовито спросила женщина. – Все за тебя бабы должны делать! Посуду мыть, на работу ходить, подсказывать.

Она внезапно переключилась на Прасковью:

– Тоже родственнички! Что-то я тут вас не видела, когда он тут подышал! А как что-то понадобилось – оп! Здравствуйте, бля! Дядя Сережа, помоги! Небось, еще и бесплатно! Да? Да? Так ведь?

Не отворачивая от Прасковьи напудренного лица с накрашенными губами, нарисованными бровями, ругаясь, она меж тем положила в тарелку самодельных вафель, налила чая в кружку, кинула пару ложек сахара и поставила перед гомункулом, подтянула голову гомункула к своей груди, поцеловала в макушку, сказала:

– Кушай-кушай, маленький, не слушай взрослых, все мы дураки и не лечимся!

И тут же снова накинулась на Прасковью с упреками:

– Тоже вот «руки золотые», вечно хвалят, а толку? Оказывается, у него и родственнички есть. Небось, когда он коньки отбросит, первые прибежите квартиру продавать! Уже, наверно, примериваетесь, красотки? А вот хер там! Мы весной расписываемся!

– С хуев ли? – спросил Сергей.

Внезапно запыхтев, как от одышки, женщина со злостью и удовольствием отходила Сергея кухонным полотенцем. На этом полотенце, помимо многочисленных глаз неопределенных цветных зверюшек, имелись такие коричневые подпалины, как на вафлях. Кухня закачалась во время избиения, зазвенела посуда в желтых от жира шкафчиках гарнитура, весело забрякали стекла в покрытом росой и льдом окне, заскрипели половицы, гомункул предусмотрительно взял кружку в руки. К Прасковье прикатился по столешнице отточенный простой карандаш, и только тогда она заметила, что на стороне Сергея лежит журнал со сканвордами. «Бедолага», – подумала Прасковья сразу и про женщину, и про Сергея.

От херувима Прасковья ушла с пустыми руками, как примерно и ожидала, но с ощущением, что побывала на дневной увольнительной от оккультреггерства. Когда выяснилось, что гомункул не младший брат Прасковьи, а сын, появился портвейн. В одной из комнат Сергея обнаружилось рассохшееся пианино «Заря», больше похожее на предмет мебели, нежели на музыкальный инструмент, на котором гомункул исполнил «К Элизе» и «Лунную сонату». Пока он играл, женщина прижимала опаленное полотенце к губам и сдерживала рыдания, выпившая портвейна Прасковья – тоже, только вместо полотенца у нее была собственная ладонь. Самое приятное в этой встрече было то, что говорить не пришлось, женщина сама рассказала историю своей жизни с отсидкой за кражу и отданной в детдом дочерью, с двумя мужьями, один другого краше, страстями в виде переломанных ребер и ножевым ранением из ревности, то

есть такой жизни, по сравнению с которой жизнь самой Прасковьи была детской сказочкой с забавными приключениями.

Понимая, что еще чуть-чуть – и она останется ночевать у Сергея, Прасковья вызвала такси из таксопарка, где работала, потому что там у нее была скидка, поехала домой, надеясь, что приступ тошноты настигнет ее уже дома. Но был светофор, остановка перед которым что-то колыхнула в Прасковье, так что пришлось открыть дверцу. Ощущение было такое, что она выbleвывает половину лозы очень кислого винограда.

– Бывает, – спокойно сказал таксист. – Но я водочку предпочитаю. После нее даже если и стошнило, то чувство, что просто у стоматолога побывал. Особенно если когда пьешь – не закусывать.

– Я хотя бы не у вас во сне уже? – спросила Прасковья, отплевавшись.

– Кто знает? – простодушно ответил таксист. – Думаете, я различаю? Давно уже все смешалось. Еще в детстве.

Дома пришел второй приступ, но Прасковья только зря просидела, обняв унитаз, после чего ее довело до дивана, а затем накатил очень приятный плотный сон без сновидений, такой, после нескольких часов которого она проснулась бодрая и повеселевшая, даже какая-то азартная, с аппетитом, без головной боли, легкая, готовая к любому исходу следующей ночи.

Она сама позвонила Наде и сообщила, что с Сергеем ничего не вышло, ну да и бог с ним, пускай подъезжает.

– Как считаешь, сегодня что-нибудь получится? – спросила Надя, когда Прасковья аккуратно забиралась к ней в автомобиль.

– Да пофиг, – ответила Прасковья. – Не этой ночью, так следующей.

– А ты не думаешь, что с каждой ночью эта штука сильнее становится? Ну знаешь, как в фильмах ужасов, набирается силы. А потом по городу начнет ходить огромный манекен «Мишлен», откроется портал, из которого что-нибудь ползет?

Понятно было, что она шутит, поэтому Прасковья ответила:

– Знаешь, было бы неплохо. А то как-то все невзрачно, без спецэффектов. Взять то же переосмысление. Нужно, чтобы оно как поединки в аниме. План на меня, план на мать, от него заклинание, от меня, мы на экране в двух разных кадрах, летящие и мерцающие задники и все такое, а мы с матерью в этот момент неподвижны и только что-то такое орем, у меня вены на лбу пульсируют, рот в пол-лица. Ну или не так как-нибудь, а по-голливудски. Я такая сильная женщина, суровая, типа Сары Коннор, чтобы дробовик и гранаты, взрывы. А извлечение тепла из уголька – жертвоприношение со свечами и пентаграммами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.